

НАШИ • ТАМ

ИГОРЬ ЛЕДЕНЁВ
ТАЙНА
ЗОЛОТОГО
ОРЛА

Наши там (Центрполиграф)

Игорь Леденёв

Тайна золотого орла

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Леденёв И.

Тайна золотого орла / И. Леденёв — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08947-2

Есть на свете город, где положительная энергия достигает огромного значения. Это Полтава. После окончания Полтавской битвы в центре города был создан символ победы Добра над Злом — золотой лавровый венок. Но люди утратили данный символ, поэтому миру стала грозить гибель. Двум юношам – нашим современникам – предстоит вступить в схватку с абсолютным Злом, чтобы вернуть венок людям. Но Зло слишком коварно. Смогут ли ребята выстоять?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08947-2

© Леденёв И., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Леденев

Тайна золотого орла

Любое совпадение имен, фамилий и названий является случайным

Пролог

В рассветной сиреновой мгле проступали очертания бескрайнего леса. Широкие стволы деревьев, словно огромные солдаты неведомой армии, осторожно выныривали из сонно клубящейся мглы. Слева лесной массив резко обрывался, уступая место обширной покатой равнине...

Из чащи вышли двое, появились бесшумно, словно соткались из туманного воздуха. Их появление в этом месте в столь ранний час могло удивить любого, но некому было удивляться. Даже птицы молчали. Только сочная трава покорно прогибалась под напором четырех широких ступней.

Один был высокого роста и мощного телосложения, угрюмый и неприступный. Черты лица резки и неподвижны, будто высечены из камня. Глаза – как два бездонных провала. Нос с горбинкой, словно клюв хищной птицы. На могучем теле тускло поблескивала плотно облегающая сутана. Темный плащ бесконечными складками спадал с широких плеч и колебался на ходу дрожащими волнами. На левом боку, задевая кончиком траву, изящно покачивалась узорчатая золотая шпага.

Другой являл полную противоположность. Низкорослый, сутулый и хилый. Вроде поджавшего хвост шакала возле царственного льва. Черты лица тонки и крючковаты, волосы черны как смоль, а глаза колючие, словно разряд электричества. На худых плечах его болталась холщовая роба. Выцветшие шаровары были подпоясаны толстой веревкой, а на ногах красовались потертые хромовые в гармошку сапоги.

Путники остановились. Природа замерла. Даже ветер не шевелил листвой. Впереди открылось изрезанное ложбинами и утыканное холмами огромное поле. Вдалеке виднелась притаившаяся на обрыве одинокая крепость. Десятка два глинобитных хат под соломенной крышей да луковка деревянной церкви со строгим контуром святого креста, обнесенные высоким деревянным забором с островерхими сторожевыми башнями по углам.

Тот, что повыше, внимательно осмотрел поле, затем глянул на крепость. Скользнул взглядом по церкви, неприятно сморщился, словно крест ослепил его.

– Это и есть то поле, а то – Полтава? – гулким басом обратился он к низкому.

– Да, мой господин! – глухим, рыкающим голосом ответил слуга и слегка поклонился. Затем добавил: – Именно на этом поле под Полтавой скоро разыграется кровавая битва¹. Жертвы будут огромны.

– Жертвы будут огромны, ха-ха, я знаю! – И господин залился громоподобным гогогом, но вдруг резко смолк. – Что за орел с золотым венком? Тот самый? – гневно спросил он.

– Где?! – в недоумении воскликнул низкий.

– Ты сквозь время смотри, сквозь время!

Подчиненный внимательно всмотрелся в даль. Наклонился, сощурился, даже руку поднес ко лбу. Через несколько секунд разогнулся. Перепуганные глаза его уставились на собеседника.

– Это символ Полтавы, памятник в честь победы русских над шведами.

– Я про венки спрашиваю! – Господин перешел на крик.

– Венки. Венки... – Низкий запнулся, шумно сглотнул слюну и дрожащим от волнения голосом продолжал: – Венки не земного происхождения... Это защита... Он оберегает город... – Тут он окончательно сбился под тяжелым взглядом Повелителя. – Гм... и не только город... гм, оберегает всю Землю... от сил Зла.

Наступила минута гробового молчания. Господин заметно помрачнел.

– И когда это... он... начал оберегать?

¹ 27 июня 1709 года произошла Полтавская битва.

– С 1811 года².

Повелитель сощурился. Каменное лицо его сделалось хищным. Из глаз вырвались языки черного пламени.

– Этого венка не должно быть! – свирепо прорычал он и энергично направился к лесу.

Низкий покорно засеменял следом. Странная пара исчезла так же внезапно, как и появилась, только там, где стояли собеседники, начисто выгорела трава. Над черными остатками стебельков и листьев клубилась серая дымка.

Прошло несколько минут, но легкое помутнение воздуха не развеялось, а продолжало крутиться с возрастающей скоростью.

Вскоре в клубах дыма стали заметны маленькие, быстрые змеи, запутавшиеся в собственных кольцах. Рептилии неистово рвались и отчаянно кусали друг друга, пытаясь освободиться.

Вдруг гады разом потемнели, тяжело опали на землю и проворно расползлись в разные стороны.

Как фотографию, рассвет все четче проявлял листья и траву. Тьма скрючилась, тускнела и таяла. На горизонте обозначилась узкая полоса белого света. Проснулся ветер, ожил лес. Деревья приветливо зашелестели листвой. Птицы дружно защебетали, и природа наполнилась веселыми звуками ясного летнего утра. Из светлой полосы на горизонте брызнули лучи восходящего солнца.

С первым лучом, в ореоле света, на равнине появилась стройная фигура ангела. Небесный вестник светил так ярко, что напоминал маленькое солнце. Белоснежная мантия грациозно колыхалась. Огромные крылья были неподвижны. Прекрасное лицо печально. Голубые глаза смотрели с грустью.

Ангел задумался, затем хлопнул могучими крыльями, медленно поднялся над землей и неспешно облетел по периметру равнины.

Из глаз небесного вестника обильно капали слезы. В том месте, где слезинка попадала в почву, мгновенно вырос цветок, с лепестками цвета синего неба.

Облетев поле, ангел вновь спустился на землю, с тревогой глянул на мирно спавшую Полтаву. В точеных руках его сиял золотой лавровый венок. Небожитель поднял драгоценный обруч перед собой. От венка отделилась узкая полоска света и пролилась на купол церкви, затем на весь городок. Маленькие домики так и засветились в янтарных лучах.

Тем временем солнце взобралось на небесный купол. Ангел взглянул на светило, улыбнулся и исчез, оставив белый тающий силуэт.

Там, где стоял небесный вестник, появилась юная стройная липа, весело шелестящая нежной листвой.

² 27 июля 1811 года в Полтаве состоялось торжественное открытие монумента Славы в честь победы русских воинов над шведами. Монумент Славы представляет собой чугунную колонну высотой 11 метров и диаметром 2 метра, установленную на полированном гранитном пьедестале высотой 1,67 метра, покоящемся на постаменте в форме уступчатого крепостного бастиона. У основания оцетинились 18 чугунных пушек, взятых с поля Полтавской битвы. Верх колонны увенчан капителью в виде больших пальмовых листьев; на ней чугунная полусфера, на которой установлен позолоченный орел с распростертыми крыльями и венком в клюве, обращенном в сторону поля Полтавской битвы, к братской могиле русских воинов.

Часть первая Настоящее и прошлое

Глава 1 Таинственное исчезновение

Июньское утро раскрасило небо над сонной Полтавой в синий цвет и выгнуло его до невысказанной высоты. Солнце расплескало золотой свет на пробуждающийся город, и он засиял в ответ: изумрудным шумом парков, брызгами фонтанов, выпуклой позолотой храмов и белизной лепных украшений фасадов.

Вровень с крышами приветливо шелестели роскошные липы и каштаны. Город утопал в зелени. Деревья – неотъемлемая часть Полтавы, ее зеленая корона. И главным алмазом в этой короне, конечно же, являлась изящная липа.

С высоты птичьего полета были видны бесчисленные острова куполов и башен, омываемых зеленым бушующим морем. А по дну этого моря ходили люди и ездили автомобили.

На тенистых улицах даже в самую жару было свежо и прохладно, но их озаряли не только солнечные лучи, пробившиеся сквозь дырявый зеленый навес. Любому приезжему сразу бросалось в глаза огромное количество ослепительно красивых женщин, встречающихся на каждом шагу. Прекрасные, яркие лица, пышные, густые волосы, стройные длинные ноги заставляли восхищенно оглядываться мужчин разного возраста.

Воздух в Полтаве всегда хрустально-чистый, но раз в году, в период цветения лип, густой медовый аромат настолько насыщал атмосферу, что, казалось, вдыхаешь изысканный кислородный коктейль. Дышишь полной грудью, смакуя воздух, и не можешь надыхаться.

В самом центре города, на улице Октябрьской, стоял массивный красный дом под номером 46, построенный в пятидесятых годах двадцатого века. Толстые стены плотно удерживали прохладу, а вокруг приветливо шумели развесистые липы. Одна старая липа имела причудливую форму: массивный, морщинистый ствол ее на уровне окна второго этажа расходился на три совершенно одинаковые ветки, растущие вертикально, образуя настоящий древесный трезубец. А за окном, в уютной двухкомнатной квартирке, вместе с мамой и бабушкой, жил Дима Томин.

Высокий, стройный и симпатичный. Овальное лицо с прямым носом и густыми бровями, копна непослушных каштановых волос, вдумчивый взгляд его серо-голубых глаз невольно привлекали внимание.

Невообразимый мечтатель – называли Диму друзья за любовь к фантастике.

Дима успешно закончил девятый класс, и, хоть уже наступил конец июня, лето для него только раскрывало жаркие объятия, маня тайнами и приключениями. Кровать Димы стояла возле самого окна. Комната наполнилась ароматом липового цвета. Озорной солнечный луч проник в помещение, защекотал Димино лицо. Томин покрутился на постели и открыл глаза.

Мерно колыхалась старая липа. Сквозь просветы листвы ярко сверкало солнце, играя смеющимися бликами на стенах и мебели. Рядом с кроватью, на тумбочке, лежал «Таинственный остров» Жюль Верна в толстом сером переплете.

Из кухни аппетитно пахло вишневым сиропом. Мама затеяла вареники. В сознании Димы возникли беленькие, пухленькие комочки из теста с ярко-красными ягодами внутри. Вареники с вишнями означали, что за окном бушует лето, заполняя сознание безраздельным счастьем...

После завтрака Томин отправился к своему лучшему другу Андрею Дорошенко, живущему в том же доме, только в другом крыле. Дом был хоть и старый, но удивительной

постройки. Сверху напоминал растянутую букву «П». Очень длинная средняя планка на коротких, загибающихся ножках разной длины. Просто такса какая-то. На концах средней планки имелись две большие арки, а ножки были соединены решетчатой оградой, словно цепочкой. Получалась уже не такса, а гигантские очки.

Чтобы добраться до Андрюшиного подъезда, Диме нужно пройти триста метров мимо угрюмых гаражей, обширного палисадника и уютной спортивной площадки со стареньким турником, представляющим собой две толстых железных трубы, вкопанные в землю вертикально, и одну тонкую, приваренную к ним горизонтально.

На этом турнике утром и вечером Андрей занимался гимнастикой, стараясь и Диму привлечь к спортивным упражнениям. Но Томин приобщался к спорту с неохотой. Подтягивался не больше десяти раз и придумал железную отговорку, что у него слишком высокий рост для успешных занятий на турнике. На самом же деле он просто не хотел побороть природную лень. Куда приятнее допоздна почитать интересную книжку, а утром подольше поспать, нежели каторжанить себя на перекладине.

А Дорошенко свою лень поборол. В детстве худой и хилый, он полюбил гимнастику, а благодаря трудолюбию и упорству уже в восьмом классе подтягивался до шестидесяти раз за один подход, занимая только призовые места на городских и областных соревнованиях по подтягиванию.

Среднего роста, аккуратно подстриженный, с правильными чертами лица и фигурой атлета, Андрей напоминал древнегреческого олимпийца или звездного воина, пусть книжек прочитал намного меньше Димы.

Подойдя к спортивной площадке, Дима заметил товарища, висящего на турнике. Андрей резво подтянулся, зафиксировал голову над перекладиной и выскочил над турником до пояса.

– Привет, Андрюха! – крикнул Дима.

– Привет, Димка! – Андрей спрыгнул с турника, отдышался. Сильная мозолистая ладонь его плотно сжала тонкую Димину кисть. В глазах Дорошенко сверкали веселые искорки, на щеках играл яркий румянец – так и пышет здоровьем. – Вчера вечером с ребятами устроили соревнование, кто больше сделает выходов силой. Я сделал двадцать пять. Ты почему не пришел?

– Читал интересную книгу. – Томин с легкой завистью глянул на друга. Такой результат ему не под силу.

– Давай, разомнись? – Дорошенко кивнул в сторону перекладины.

Томин подпрыгнул. Пальцы плотно обхватили тонкую прохладную трубу. Подтянулся, качнулся и вынес локти над перекладиной. Затем медленно расправил руки.

– Молодец! – послышался снизу Андрюшин голос.

Дима повторил еще раз. Получилось. А на третий сумел вынести над перекладиной только правую руку и, невероятно изгибаясь и пружинно дергая ногами, наконец вынес левую и ощутил на поясе прохладную трубу поперечины.

– Ничего. Тренируйся, все получится, – утешил его Дорошенко.

Они учились в одном классе. Летом подрабатывали проводниками экскурсий для любителей экстремального отдыха (в основном шведов, немцев и англичан), проводя их тайными тропами короля Карла XII по местам следования шведской армии на подступах к полю Полтавской битвы. Экскурсии конные, с ночевкой в палатках или спальных мешках.

Еще с младших классов ребята посещали краеведческий кружок и излазили все окрестности Полтавы. Там же научились ездить верхом. Это помогло им найти работу на время каникул при Музее истории Полтавской битвы. Сегодня вечером Дима с Андреем должны вести с ночевкой большую группу шведов.

В свободное время – а его было достаточно – друзья ходили купаться на Ворсклу или гуляли по городу. Мир, переполненный красками, казался безграничным и невообразимо инте-

ресным. Родной город, с яркой, многовековой историей, несомненно, таил множество тайн, требующих разгадки.

Ребята спустились в мрачные полтавские подземелья и, не страшась опасностей, излазили целые районы. Поднимались на самый верх каркасной телевизионной башни, откуда Полтава была видна как на ладони.

В подвале одного старого дома, на полуобвалившейся штукатурке, нашли полустертые от времени настенные надписи. Оказалось – во время фашистской оккупации там было местное отделение гестапо. По этим текстам здешние краеведы смогли узнать судьбы многих людей и сообщить их родственникам.

Они любили родной город и верили: главная тайна Полтавы еще не открыта, а разгадка находится где-то впереди – за шумящей на ветру тонкой липой, или задумчивым обликом гипсового ангела, или в сверкающих водах тихоструйной Ворсклы, серебряным лезвием с севера на юг разрезающей Полтаву на две неравные половинки.

После физзарядки отправились к Андрею, в угловую квартиру на первом этаже. Квартирка неуклюжая: одна комната огромная, другая почти кладовка. Длинный извилистый коридор да кухня, похожая на кишку. Даже ванной нет. Вместо нее скромный поддон душа. Дима считал, что такие спартанские условия во многом способствовали сильному физическому развитию Дорошенко.

Расположились на кухне. Большое прямоугольное окно выходило на перекресток. Там броуновское движение прохожих и мелькание автомобилей. На противоположной стороне улицы была хорошо видна высокая строгая башня с массивным циферблатом. Красные угловатые цифры на черном фоне показывали без шести минут девять.

Из окна лился солнечный свет, озаряя прямоугольные трапеции суетливо порхающих пылинок. Солнечные зайчики весело поблескивали на приплюснутом чайнике, изогнутом водопроводном кране и других металлических предметах. Старенькое радио флегматично сообщало о ходе сельскохозяйственных работ на Полтавщине. Андрюшина бабушка хлопотала возле плиты. Она и Диму усадила завтракать. Томин хоть и перекусил дома, не смог устоять перед соблазном. Уж очень аппетитно пахло на дорошенковской кухне.

На столе исходили паром пузатые, сочные сосиски, живительным теплом дышала густая овсяная каша, в выпуклых чашках остывал крепкий чай.

– Вы на речку после завтрака? – поинтересовалась бабушка.
– Посмотрим, может, и пойдём, – нерешительно ответил Андрей.
– Ты, Дима, на него повлияй, – доверительно обратилась старушка, – нужно же и отдыхать, а то перезанимается на своем турнике. – И она кивнула в сторону внука.
– Бабушка! У меня все нормально! – В голосе Андрея послышалось раздражение.

Дима случайно глянул в окно и вскочил:

– Андрюха! Смотри!

С часами на башне творилось что-то невообразимое. Красный цвет цифр сменился ярко-желтым, затем – черным с огненной окантовкой. Быстро замигав, хранители времени потухли. Из циферблата повалил густой смолянистый дым, разрезаемый длинными языками пламени. Вскоре послышался истерический рев пожарных машин.

Башня с часами – один из символов города. Цифры хорошо просматривались на большом расстоянии. Мелодичный звон курантов ласкал слух. По этим часам сверяли время. Под ними назначали деловые встречи и любовные свидания.

– Нереальный какой-то пожар. Никогда не видел, чтобы цифры так меняли цвет. И такое странное пламя. Что скажешь, Дима?

– Сам удивлен. – Томин задумался. – Во сколько они загорелись? Что-то около девяти?

– По-моему, ровно в девять.

Дима стукнул себя по лбу:

– Слушай! Ты забыл, какое сегодня число?

Андрей лукаво улыбнулся:

– Ты, Дима, все сводишь к мистике. – Затем иронично добавил: – Часы загорелись не случайно! Это духи убитых шведов их воспламенили! А будет еще и не такое!!! – И тихо рассмеялся.

Сегодня действительно был не обычный день. Наступило 26 июня 2009 года – канун трехсотлетия Полтавской битвы. И город готовился к этому юбилею. Местные власти отремонтировали дороги и тротуары, отреставрировали фасады домов, благоустроили парки.

На празднование Полтава ожидала короля Швеции, президентов Украины и России, а также многочисленные делегации зарубежных стран. По всем телеканалам, во всех газетах не умолкали сообщения об этом событии. Многие гости начали прибывать еще за неделю...

После завтрака друзья отправились погулять по городу. Беседуя, прошли арку. На высоком полукруглом своде покачивался закопченный фонарь с внушительной цифрой 46. Вышли на Октябрьскую и направились к центру города. Наполненные туристами улицы так и манили.

На перекрестке, возле часовой башни, собралась большая толпа зевак. Прямо на тротуаре припарковались две пожарные машины. Пожарные уже потушили пламя и энергично сворачивали шланги.

Высокие каштаны, аккуратно высаженные вдоль тротуаров, скрестили древесные руки над проезжей частью, образуя бесконечный зеленый свод. Под ним rispetабельно скользили иномарки, шныряли озабоченные «Жигули» и важно проплывали автобусы и троллейбусы. На уличных фонарях гордо развевались украинские, российские и шведские флаги. Поперек улицы были натянуты канаты с гирляндами из живых цветов и электрической иллюминацией. Слышалась английская, шведская, немецкая и польская речь.

Довольные иностранцы, в панамах и шортах, видеокамерами и мобильными снимали улицу и отдельные здания. Особенно понравился интуристам большой резной терем с двумя огромными каменными гарпиями, грациозно сложившими крылья на рельефных постаментах под стрелообразной крышей с обеих сторон массивного балкона. Проходя мимо терема, Дима невольно глянул, как толстый немец навел видеокамеру на свою фразу, решившую запечатлеть себя на фоне этого шедевра архитектуры. Фрау приняла картинную позу и, слегка подогнув правую ногу, широко обнажила два ряда крупных, как у лошади, зубов. В ее скуластом лице и впрямь появилось что-то лошадиное.

Томин отчетливо увидел, как правая гарпия слегка повернула голову и внимательно посмотрела на него. Замедлил шаг, присмотрелся. Нет. Каменное изваяние абсолютно неподвижно сидело под застрехой.

Дима повернулся к другу, но тот засмотрелся на двух симпатичных девчонок, идущих им навстречу. Подружки весело переговаривались и стреляли глазками. Поймав восхищенный Андрюшин взгляд, смолкли, застенчиво улыбнулись и картинно проплыли мимо. Только неизвестно откуда налетевший ветер весело всколыхнул их длинные пышные волосы.

Томин еще раз глянул на гарпий. Тщательно отшлифованный камень не выказывал никаких признаков жизни. «В такое сказочное утро что угодно может померещиться», – убедил себя Дима и перевел взгляд на Андрея. Тот еще провожал взглядом красивые фигурки, теряющиеся в уличной толпе.

Переговариваясь, невольно разглядывая иностранцев и симпатичных девушек, ребята подошли к Корпусному саду, зеленой стеной вставшему на их пути. Этот изумрудный остров представлял самое сердце Полтавы и назывался так благодаря Кадетскому корпусу, находившемуся когда-то в одном из прилегающих зданий.

Корпусный сад был разбит в форме правильного круга, от которого радиально-симметрично расходились восемь совершенно прямых, словно стрелы, улиц. С высоты птичьего

полета зеленые насаждения и расходящиеся улицы напоминали солнце с симметричным узорчатым крестом от пересечения главных аллей.

Пять лет назад парк сильно проредили, вырубив множество старых и сухих деревьев. Срубили деревья и с клумб центральных аллей, а вместо них посадили молодые туи, сделавшие вид парковых дорожек грациозным и торжественным. В саду было еще множество маленьких аллеек, и одна дорожка обходила его по кругу, слегка изгибаясь возле выходов подземных переходов.

Площадь вокруг Корпусного сада была застроена белоколонными зданиями в стиле русского классицизма. А в самом центре этого бело-зеленого солнца, на пересечении всех улиц-лучей, возвышался величественный памятник в виде высокой колонны, с тонкой лепкой, установленной на массивном гранитном основании, с огромным золотым орлом наверху. Орел гордо расправил крылья и держал в клюве золотой лавровый венок. Взор благородной птицы был устремлен вдаль, в сторону поля Полтавской битвы. Белые колонны зданий, зеленая чаша сада и золотой орел в центре создавали неповторимый архитектурный ансамбль...

Войдя в парк, друзья увидели большую толпу, разноцветным обручем опоясавшую постамент памятника. Толпа мерно гудела. Виднелись как военные, так и штатские, как студенты, так и пенсионеры. То там, то тут шныряли озабоченные стражи порядка, буравя взглядом каждого. Удивленные иностранцы, развернув рекламные проспекты с изображением памятника, шумно сравнивали его с оригиналом.

Диме бросился в глаза один тип неприятного вида. Среднего роста, худой, сутулый, с острым горбатым носом и черными густыми усами. Но самое главное было в его глазах: колючих, холодных, пронизывающих насквозь. На его тощей фигуре болталась мятая коричневая рубашка и выцветшие джинсы. Привлекла внимание старинного вида зеленая холщовая сумка, небрежно переброшенная через плечо и закрепленная на поясе. Человек этот внимательно изучал орла, затем бросил на Томина взгляд, от которого мурашки побежали по спине, и быстро затерялся в толпе.

«Где-то я его видел, – мимоходом подумал Дима. – У него картинная внешность. Этому человеку больше подошел бы кафтан семнадцатого века, нежели современная одежда».

Ребята подошли ближе, подняли головы и ахнули. Золотой орел – визитная карточка Полтавы – сидел на вершине колонны растерянно и сиротливо, словно мокрая курица. В клюве у гордой птицы отсутствовал лавровый венок.

Глава 2

Невероятная сиреневая роща

Встревоженные исчезновением венка, ребята долго бродили в толпе возле памятника. Обошли его несколько раз, прислушиваясь к разговорам зевак, но ничего существенного из них не почерпнули.

Одни говорили, что венок отпилили сверхточной алмазной пилой, а места надпила снова покрыли золотом. Другие утверждали – только венок из золота, а остальные части памятника оказались из меди, потому его ювелирно отпилили, не оставив следов. Третьи уверяли – венок подвергся коррозии, прогнил в месте соединения с клювом и отпал сам. Ходили еще более нелепые слухи, что вместо прежнего орла посадили другого, точно такого же, только без венка, покрытого медью и начищенного до блеска.

Все эти версии не вязались с элементарной логикой. Например, почему другие позолоченные части памятника, такие как изломанные стрелы войны, золотая табличка и символический ключ, остались нетронутыми? А до них добраться куда легче, ведь орел сидел на высоком сферообразном постаменте.

Когда толпа начала понемногу расходиться, Дима с Андреем решили пойти на Белую беседку, затем вернуться домой и встретиться уже вечером. До выхода из сада шли в напряженном молчании, а когда спустились в подземный переход «Злато мисто» с зеркальными витринами и равнодушными охранниками на каждом углу, Андрей не выдержал:

– Не могу понять, что они тут охраняют? У них под носом с двенадцати метров отрезали венок у орла, а им все равно! Как можно было на виду у всего города, с такой высоты спокойно снять венок и остаться незамеченными? Ведь даже ночью сад освещен!

– Элементарно, – ответил Дима. – Ты замечал у орла серую спину? Там любят сидеть птички, поэтому каждый год орла чистят. Подъехали на машине с подъемником, в желтых жилетах, как работники ЖЭКа, преспокойно отрезали и уехали. Никто даже внимания не обратил. Меня интересует другое: почему целы стрелы войны, если это охотники за золотом? Ведь их срезать куда легче, чем венок!

– Может, в спешке забыли, – предположил свой вариант Андрей, – нервы-то на пределе были, когда пилили, или что спугнуло.

– Возможно, – задумчиво сказал Дима. – Только сдается мне, тут действовали профессионалы, и ничто их не спугнуло. А в пропаже венка кроется какая-то тайна – уж очень многое не вяжется и ничего не ясно.

– Тебе везде мерещатся таинственность и мистика, – возразил Дорошенко. – По-моему, тут обычная уголовщина. А в любом преступлении сразу ничего не ясно. Впрочем, вечером по телику посмотрим новости. Возможно, уже будут предварительные результаты.

От Корпусного сада до Белой беседки располагалась самая историческая и престижная часть Октябрьской. На этом участке она становилась пешеходной, и подземный переход ступенчатым зевом ложился прямо на середину улицы. Выйдя на поверхность, попадаешь в самую гущу неспешного карнавала из каменного паркета мостовой, лепных украшений фасадов, свежей зелени лип, ярких витрин и постоянно льющейся откуда-то медленной музыки.

На пестрых лоточках продавали сувениры и разную мелочь. Уличные музыканты играли на скрипках, флейтах, аккордеонах и других не тяжелых инструментах. Тут же художники совсем не дорого и достаточно быстро готовы нарисовать ваш портрет или дружеский шарж. Барды, закатывая глаза, пели под гитару. Иногда появлялась уличная клоунада с ярко раскрашенными клоунами, смешно копирующими прохожих. Словом, даже пройтись по этому отрезку Октябрьской было весело и приятно.

Здесь же был сгусток достопримечательностей и просто красивых зданий: барельефный треугольник театра Гоголя, почивающий на массивных колоннах; зеркальная полусфера Национального банка; здание Краеведческого музея в казацком стиле, ошетилившееся заостренными башенками; пухленькая Спасская церковь, выдержавшая без разрушений три осады (в ней молился царь Петр после Полтавской битвы), и, словно невеста в белом венчалном платье с золотой короной на голове, – церковь Успения Божьей Матери. А рядом, как надежный защитник, белоколонная классическая колокольня с высоким, пикообразным шпилем. Поистине симфония в камне!

С противоположной стороны Успенской церкви находилась усадьба писателя Ивана Петровича Котляревского, родоначальника украинской литературы. Именно здесь он написал «Наталку Полтавку», «Москаля-чаривника» и «Енеиду».

И в завершении этой архитектурной сюиты, как последний аккорд, была Белая беседка – ротонда из восьми стройных колонн, поддерживающих символическую гигантскую подкову.

А что находилось за ней? А за ней – небо сливалось с землей, и открывалась невиданная панорама, и сердце замирало в груди от ощущения восторга и полета. За ней – на рассвете, из зеленого бушующего океана, выплывало ласковое солнце и освещало лучезарный город. А вечером в бездонном небе зажигались миллионы звезд, и в ответ миллионы огней зажигала радушная Полтава.

К Белой беседке ходили встречать рассвет и провожать ускользящий вечер. Расположенная на правом, обрывистом берегу Ворсклы, на мысе, глубоко врезавшемся в долину, ротонда словно парила между небом и землей. Именно из-за нее Полтаву называли украинскими Афинами.

А когдаходишь к ней в ясный солнечный день – пышная зелень внизу казалась изумрудным морем, шум деревьев напоминал рокот прибоя, и возникало ощущение, что настоящее бурное море волновалось и пенилось под отвесным обрывом.

Весть об исчезновении венка быстро облетела Полтаву. Казалось удивительным и невероятным, что двухметровый металлический орел, облитый сусальным золотом, мог отдать лавровый венок, именно отдать, словно живая птица, а не застывший памятник. Никаких следов надпила или надкусывания металла возле клюва не обнаружили, а венка – нет, словно и не бывало.

Местные эксперты не смогли объяснить таинственное исчезновение символа победы из клюва гордой птицы. Зарубежные еще не успели приехать, а вот массмедиа, причем не только местные, всю комментировали данное событие.

Дима пересмотрел кучу новостей, но ничего вразумительного об утреннем исчезновении не услышал. Сказали только, что все электронные часы в городе на несколько минут потухли, причем никто не смог их включить, и кратко сообщили о грандиозном пожаре больших электронных часов на башне...

Друзья договорились встретиться в шесть вечера и вместе ехать на поле Полтавской битвы. Встречались обычно у арки. Затем шли на автобусную остановку.

Первым пришел Дима. Вскоре показалась спортивная фигура Андрея. Ребята нырнули в прохладную тень арки, вынырнули на улице и направились в сторону, противоположную от Корпусного сада. С этой стороны Октябрьская расширялась и, словно большая река, вобрав в себя потоки машин с впадающих улочек и переулков, бурлила и шумела еще больше. Тут ее застроили высотными элитными зданиями с выпуклыми башнями и узорчатыми арками. Посреди улицы разместились широкая каштановая аллея, заложенная еще в начале двадцатого века князем Куракиным в честь приезда в Полтаву русского царя Николая II.

Шесть лет назад старые деревья срубили и аллею засадили молодыми, кудрявыми каштанами, аккуратно разместив их в два ряда с обеих сторон дорожки. Тонкоствольные, но с

крупными перепончатыми листьями, деревца напоминали маленьких утят с задранными вверх лапками и радовали глаз буйным цветом и нежной зеленью.

Вечерело. Солнце зашторило все окна на улице. Дома темными провалами провожали уходящий день. Пыхтя и медленно переваливаясь на широких колесах, подошел яковчанский автобус. Друзья вскочили на заднюю площадку. Людей оказалось немного. Неторопливо поплыли по широкому руслу улицы. На перекрестке повернули на Зеньковское шоссе. Затем автобус свернул в переулок и оказался в прохладной тени вековых каштанов. Проскочили желто-белое здание Института свиноводства с мясистой бронзовой свиньей у входа, и вскоре в разорванном саване листвы мелькнуло свежей белизной длинное приземистое здание с зеленой аккуратной крышей и металлическими, поднятыми знаменами над массивным входом – это музей истории Полтавской битвы. Перед музеем была установлена бронзовая фигура царя Петра I, в строгом мундире, в полный рост. Рядом – курган над захоронением русских воинов с огромным каменным крестом на вершине. К кресту вела широкая лестница с изящными перилами. Слева от захоронения, узорным пятном, расположилась Сампсониевская церковь с вытянутыми луковками золотых куполов.

Возле музея царило бойкое оживление. Как винегрет, пестрела разноцветная толпа. Развевались старинные флаги, слышалась разноязычная речь, бурлила лоточная торговля. Здесь собрались люди, одетые для похода.

Привлекали внимание синие мундиры солдат короля Карла XII, словно морские волны, заполнившие все пространство. Это энтузиасты шведского общества любителей военной истории. Кто-то притащил даже несколько настоящих пушек. Кое-где виднелись зеленые мундиры солдат русской армии, но основные силы русских должны подтянуться завтра, как и полки украинских казаков. Все-таки главный день празднования – 27 июня.

Бронзовый Петр, неподвижно стоявший на массивном постаменте с широко раскрытыми глазами, казалось, раскрыл их еще больше от удивления. Никогда еще со времен Полтавской битвы это место не видело такого количества людей в форме солдат Северной войны.

Приняв командование небольшим отрядом шведов, Дима с Андреем вскочили на коней, и отряд двинулся в путь. В экскурсию входила длительная прогулка по извилистым лесным тропинкам, где, возможно, и ездил Карл XII. Затем – переход реки Ворсклы вброд. На самом деле шведская армия ни разу Ворсклу не переплывала, но так было эффективней. Далее – ночевка лагерем в Яковчанском лесу, а на рассвете отряд должен был выйти к редутам русской армии и встретиться с другими такими же отрядами. Там будет разыграно грандиозное театрализованное представление, воспроизводящее всю Полтавскую битву.

Кони шли неторопливо, слышалось мерное цоканье копыт и приглушенный говор шведов. Экскурсанты ликовали: они представляли себя настоящими шведскими воинами, а у многих прапрадеды действительно принимали участие в битве.

Солнце тускнело. Томный вечер явственно входил в права, вытесняя день и наполняя пространство иными звуками. Воздух стал тяжелее, а время замедлило течение, увязая в этом вечере. Дима с Андреем не переговаривались. Скрещенные ветки медленно проплывали над головой. Казалось, идут по подземному тоннелю. Тени сгущались, звуки стали приобретать мистический смысл. На миг Томину показалось, что они действительно ведут маленький отряд шведской армии и скоро начнется грандиозная битва.

– Андрюха! – тихо позвал Дима. – Выходит, мы с тобой на шведской стороне!

– Ага, только понарошку, – рассмеялся Дорошенко.

Когда переходили вброд Ворсклу, вода казалась застывшим зеркалом, а мелкие волны от выпуклых круп коней растекались капельками серебра. Недалеко послышался сильный всплеск. Все невольно повернули голову, насторожились. Наверное, очень большая рыба или...

На уютной поляне в Яковчанском лесу разбили лагерь. Справа к поляне примыкала пышная сиреневая роща. Бело-розовая пена цветов со всех сторон облепила высокие кусты и источала тонкий аромат. Развели большой костер. Огонь весело заплясал на сухих ветках, громко потрескивал и отвоевал у тьмы маленькое пространство. Танцующие языки пламени попеременно вырывали из темноты лица, усиливая ощущение таинственности. Было что-то сакральное в неравной борьбе огня с надвигавшейся со всех сторон тьмою. Каждый задумался о чем-то своем. Дима перевернул пылающие головни. Словно десятки пламенных мух, взмыли вверх искры, ярко осветив нижние ветки с нависшей листвою.

Перед рассветом готовилось широкомасштабное наступление, поэтому спать легли рано, и вскоре лагерь затих.

Дима лежал у догорающего костра, глаза его неотрывно смотрели на облепленное звездами небо. За время каникул не одну группу экскурсантов ребята перетащили этими тропами. Не раз ночевали под звездным куполом, но ни разу огненные планеты не светили так ярко, как сегодня. Никогда небо не было таким высоким и так густо усеянным звездами, как в этот вечер, и небесные светила не казались такими таинственными.

Томину не спалось. Словно замороженный, продолжал он смотреть на созвездия. Ощущение того, что эти маленькие светящиеся точки не творение рук человека, достигшего многого на земле, а недостижимые огромные планеты, живущие по своим, не подвластным людям, законам, усиливало ощущение какой-то неудовлетворенности. А может, это и не планеты вовсе? С чего вдруг астрономы взяли, что это небесные тела? Они что, там бывали?

Вдруг Томин увидел – звезды из привычной, хаотичной расстановки созвездий перестроились в буквы, напоминающие латинский алфавит, только более замысловатый. Почему-то его это ничуть не удивило.

«Надо же, как в самоучителе английского языка», – спокойно отметил про себя Дима.

Звезды слегка колыхнулись, затем заколебались и медленно померкли, словно выключенный экран монитора. Звуки ночи стали еще глуше, все заволочло свинцовым туманом. Костер потух, Томин погрузился в глубокий сон...

Проснулся Дима от хруста сломанной ветки. Солнце еще не взошло. Слегка приподняв голову, спросонья попытался всмотреться в темнеющие деревья.

Сон слетел мигом. По краю поляны, крадучись и хищно озираясь, пробирался тот самый человек с колючим взглядом, которого вчера случайно он видел у золотого орла. Глаза незнакомца сверкали, как два раскаленных угля. Видимость была ограничена, но Дима хорошо разглядел, что одежда на человеке сменилась. Теперь колючеглазый был одет в старую холщовую робу, на голове красовалась выцветшая фуражка, а на ногах – хромовые сапоги. На правом боку болталась уже знакомая зеленая сумка.

«Теперь он одет точно по времени, – подумал Дима. – Точно по времени! Странное выражение! Будто я не в своем времени».

Незнакомец тем временем прошмыгнул в сиреневую рощу. Дима вскочил, словно на пружинах, и осторожно двинулся вслед. Тропинка оказалась настолько заросшей густыми зарослями сирени, что напоминала тоннель. В конце его виднелось сероватое пятно выхода. На фоне этого пятна он разглядел удалявшегося человека.

Медленно пробираясь по тоннелю, Дима старался не упускать из виду фигуру незнакомца, маячившую вдали. Фигура при ходьбе смешно поднимала и опускала руки и ноги. Скоро стало казаться, что это всего лишь марионетка и кто-то, смеха ради, задорно дергает за невидимые ниточки.

«Какая странная сиреневая роща! – напряженно размышлял Дима. – Сколько иду, а коридор не кончается, словно бесконечный. Хотя выход, вот он, рядом».

Вдалеке послышался легкий всплеск. Должно быть, рыба хвостом возмутила воду. Значит, неподалеку водоем. Томин совершенно отчетливо услышал конский топот. Судя по звуку, ехал очень большой отряд.

«Странно, поблизости больше нет экскурсий. Ряженные должны быть совершенно в противоположной стороне. Может, кто сбился с дороги?»

Фигурка, впереди, исчезла, оставив серое пятно выхода открытым.

«Значит, колючеглазый выбрался из этой трубы!»

Выйдя, наконец, из этой неестественно длинной сиреновой рощи, Дима оказался у небольшого озера. По берегам склонились плакучие ивы, свесив зеленые гибкие ветки, словно девушки с распущенными волосами. Гладь водоема застыла, как огромное, с изрезанными краями зеркало.

Огляделся. Незнакомца нигде нет. Вдалеке слышались частые раскаты грома.

«Где же его искать? И зачем я за ним пошел? Что это за странный гром? Пора, пожалуй, возвращаться в лагерь», – решил Дима, уже начавший укорять себя за излишнее любопытство.

Перед возвращением захотел умыться. Осторожно ступая, спустился к самой воде. Над поверхностью озера грациозно клубился молочный туман. Томин зачерпнул студеной воды и поднес к лицу. Обжигающая свежесть легким током прошла по коже. Восприятие действительности сразу стало несколько иным, более бодрым. Когда поток жидкости схлынул, он открыл глаза и замер. Из воды на него смотрело милое создание – почти детское личико с удивительно чистой, румяной кожей, тонкими чертами и наивным выражением огромных, завораживающих небесно-голубых глаз. Правильный овал лица обрамляли золотые, как солнце, волосы, тускло блестевшие в рассветной дымке.

«Нет, просто купальщицей она не могла быть! Ситуация, странная до комизма. Какой девушке придет в голову купаться, надев золотой парик, в четыре часа утра, одной, в отдаленном озере, где поблизости нет никакого жилья?»

В следующую минуту Дима удивился еще больше. Девушка подплыла поближе, ударив по воде огромным рыбьим хвостом. Да! Да! Именно рыбьим, похожим на хвост щуки или сома, с длинными копьевидными перепонками и мелкой золотистой чешуей.

Незнакомка явно не удивилась Диме и, подплыв поближе, заговорила удивительно мелодичным, похожим на журчание ручья, голосом:

– В этом мире не бывает случайностей. Все закономерно и с большой долей вероятности предопределено и подчиняется строгим законам Вселенной. Тебе, Дима Томин, выпала великая честь спасти человечество, хоть это будет сделать очень нелегко.

Какое-то время длилось неловкое молчание. Ошарашенный, Дима не мог придумать, что же ей ответить. Наконец собрался с мыслями.

– Ты кто? – глухо, не своим от удивления голосом спросил девушку.

Мысль о грандиозном розыгрыше не покидала Томина.

«Совсем не трудно надеть парик из золотых волос. Рыбий хвост тоже можно прикрепить. Существуют же спаренные ласты, в них, кстати, намного удобнее нырять, чем в отдельных. Естественно держится на воде? Так, может, она мастер спорта по плаванию. Узнать мое имя и фамилию тоже не сложно. Учитывая, какой сегодня день, – по лесу разъезжают шведские воины с настоящими пушками, – можно ничему не удивляться. Вот выйдут из соседних кустов смеющиеся операторы и, давась от смеха, скажут: „Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера!“ А русалка сорвет золотой парик и окажется шатенкой с жидкими, прилизанными волосами».

Дима внимательно обвел взглядом ближайшие кусты и деревья. Насколько хватало глаз – бескрайние россыпи листьев. Даже линий электропередач почему-то не видно. Затем он внимательно посмотрел на девушку. Как ни странно, волосы кажутся настоящими, и лицо выражает такую детскую искренность, что трудно заподозрить подвох.

Снова послышался сильный всплеск. Незнакомка насторожилась и резко повернула голову. От опущенных в воду мокрых волос по поверхности озера пошли тонкие круги. Гладь водоема оставалась пустынной, только с дальнего берега зарябили мелкие волны.

«Или она великая актриса, или я схожу с ума, – уныло размышлял Дима. – А может, она обладает гипнозом?»

– Я – Наяда, небесная русалка, – просто ответила девушка. Прекрасные глаза сделались неестественно голубыми.

Ответ, словно холодный душ, отрезвил сознание и заставил поверить, что никаких операторов скрытой камеры поблизости нет.

Глава 3

Настоящая Полтавская битва

– Ты, наверное, знаешь, что время движется по спирали и кольца ее не параллельны друг другу, – вежливо обратилась Наяда к Диме. – Кое-где витки отдаляются, а в некоторых точках подходят так близко, что возможен перенос информации или даже отдельных личностей, но – в строго определенные дни. Сегодня как раз такой день – день Великой битвы, что на столетия определит дальнейшую судьбу Европы. И не случайно битва эта состоится под Полтавой. Этот город – Богом избран. И я, из своего измерения, на несколько часов попала в мир людей, хоть и в отдаленном прошлом.

Голос девушки звучал торжественно и одновременно чарующе, словно заклинание. Томин слушал как бы из пустоты, извне времени и пространства. Мозг от изумления сделался ватным, а мелодичный голос ламинарным потоком лился прямо в сознание – больше не существовало ничего.

«Или это гипноз, или срабатывает какой-то защитный барьер организма».

Мощный, встряхнувший землю раскат грома вывел Томина из оцепенения.

«А гром ли это? Стоп! Это же артиллерийская канонада!»

Снова взглянул на русалку. Прекрасные глаза смотрели с неподдельной искренностью и легкой грустью.

«Где-то я ее определенно видел! Но где? Какое красивое лицо, словно на картинке. Точно! На картинке! Только на какой?»

Вслух же сказал:

– Милая русалочка! Ты ошиблась. Сегодня не день битвы, а триста лет со дня битвы. И эта канонада – всего лишь театрализованное шоу. – И не поверил собственным словам.

Русалка внимательно глянула на Диму, очаровательно улыбнулась и затараторила:

– Сегодня 27 июня 1709 года, и уже началась Полтавская битва.

В ответ на слова девушки пушечная пальба раздалась совсем близко. Хор приблизительно из пятидесяти пушек в клочья разорвал остатки тишины и ощутимо встряхнул землю. Среди низких голосов артиллерии слышались более высокие звуки ружей и мушкетов. Никакие ряженные так стрелять не могли. К тому же звук гремел глухой и какой-то первобытный. Современные гаубицы стреляют по-другому.

– Существует искривление пространства, такое как лист Мёбиуса, где движение возможно лишь в одном направлении, – с энтузиазмом продолжала Наяда. – Ты спустился по сиреновой роще и попал в другое время. Обратным таким образом уже не вернешься. Для этого есть тоннели в энергетических разломах, но они открываются в строго определенное время. А самое главное, – тут прекрасная собеседница сделала паузу, – демон Кобо украл Венок славы у золотого орла, и, если его не вернуть, весь мир ждут большие неприятности. Кобо только что проходил тут. Наверняка хочет попасть в будущее через большой энергетический разлом на поле Полтавской битвы. Если ему удастся – веночек будет утрачен.

Дима вспомнил человека с колючим взглядом, и новая, фантастическая реальность вязким воском стала заполнять помутневшее сознание.

«Что-то в этом есть. По крайней мере, колючеглазый тут не случайно».

А патетический тон русалки настраивал на серьезный лад.

– Он что, проходил тут с венком? Веночек же огромный и тяжеленный? – не придумав ничего умнее, спросил Дима, хотя понимал, что это – второстепенное.

Наяда со смехом ответила:

– Не беспокойся на этот счет. Кобо уменьшил его и поместил в специальную зеленую сумку.

Среди лавины невообразимой информации раскаленным железом жег один упрямый вопрос: «При чем тут он, Дима То мин?»

– Я упоминала, ты оказался тут не случайно, – словно читая мысли, ответила Наяда. – Человечество в большой опасности! Спасти землю и доставить венки по назначению может только человек, но не простой – высоко нравственный, духовный, обладающий определенными способностями.

– И все-таки не понимаю: при чем тут я? – упрямо повторил Дима.

– Сейчас поясню, – с улыбкой ответила Наяда. – Хорошо знаешь свою родословную по материнской линии?

– Чего? – удивился Томин. – При чем тут моя родословная?

– Вот поэтому ты ничего не знаешь о себе, – покачивая головой, подытожила русалка.

– Знаю! Дед был токарем на Турбомеханическом заводе, но рано умер, и я его не помню, – нехотя выложил Дима.

– Конечно, плохо, что не знаешь дальше деда, но, возможно, это и не твоя вина, – уже мягче сказала Наяда.

Томин, ничего не понимая, смотрел на Наяду, а очаровательная собеседница продолжала:

– Кроме того, твой дед был большим интеллектуалом и духовным человеком.

Томин усмехнулся:

– Что ж тут удивительного? Токарь не может быть интеллектуалом и духовным человеком?

– Может, но это скорее исключение, чем правило.

– Допустим, то, что мама рассказывала про деда, действительно кажется странным, но что из этого?

– На самом деле дед обладал определенными способностями.

Глаза Димы округлились.

– Какими способностями?

– Мог перемещаться во времени и принимать информацию из других измерений. Скажу больше: прапрадед деда по материнской линии жил в Полтаве в начале девятнадцатого века. Он устанавливал золотой венок с орлом на вершину колонны и помог заключить в венке энергию победы Добра над Злом. У твоего пращура был выбор, и он выбрал путь служения Добру. С тех пор определенными способностями обладают все мужчины вашего рода по материнской линии, и все выбрали путь служения Добру. Надеюсь, ты продолжишь традицию?

– Я обладаю какими-то способностями? – иронично усмехнулся Дима.

– Да, – уверенно ответила Наяда.

– Почему-то всю жизнь ничего не чувствовал. – Дима пожал плечами.

– Во-первых, всю жизнь ты еще не прожил, во-вторых, всему свое время. Скоро почувствуешь, – загадочно ответила русалка.

Томин, молча, обдумывал услышанное, а Наяда продолжала:

– У твоего деда дочка, верно?

– Да.

– У тебя тоже будет дочь, а твой внук также унаследует эти способности.

– Послушай, Наяда! – очнулся Дима. – Ты говорила, у моего прапрадеда был выбор. И остальные пращуры что-то выбирали. А у меня какой выбор?

– Как я уже сказала, Кобо украл венок и пытается пронести его через время. Ты можешь согласиться забрать символ победы у демона и доставить в Полтаву небесную, а можешь отказаться. Если согласишься, тебя ждут большие испытания, возможно, даже гибель, но у человечества появится шанс победить Зло. Если откажешься, будешь отправлен в свое время, но человечество, скорее всего, погибнет.

Дима представил себя в ипостаси спасителя, и ему стало не то чтобы страшно, а смешно.

– Тебе не кажется, что силы не равны? – спросил Томин. – Я – против демона.

– На самом деле шанс есть всегда. Ты даже не подозреваешь о своих скрытых возможностях. Мы будем помогать, как сможем.

Но Диму не очень-то обрадовала такая радужная перспектива.

– Так, может, вы и венки сами возьмете?

– Я уже говорила, венок может взять только человек, иначе символ победы утратит силу. Ведь вас же, людей, в конце концов, он охраняет от Зла и дает шанс жить счастливо.

Томин приложил ладонь ко лбу. Похолодевшие пальцы ощутили еще более холодные капельки пота. В голове бушевала буря. Мысли путались и насакивали одна на другую, как льдины во время ледохода.

– Поясни еще раз про венок, – обратился он к Наяде. – Какая такая сила? Я знаю, что вчера отпилили венок у орла на памятнике славы, и думаю, это были охотники за металлом.

Русалка рассмеялась:

– Это далеко не охотники за металлом.

– Кто же тогда?

Наяда внимательно глянула на удивленного собеседника и с воодушевлением продолжала:

– Есть на свете город, где концентрация положительной энергии достигает огромного значения. Эта энергия концентрируется и усиливается в центре, благодаря удивительной планировке улиц и месторасположению города. Восемь прямых, как стрела, проспектов радиально-симметрично сходятся в одну точку, центр города, представляющий идеальный круг. В определенные дни концентрация энергии набирает такую силу, что, войдя в эту точку, можно попасть в другое измерение. Кроме того, каждая улица заканчивается церковью, а это серьезная защита. В центре круга стоит колонна с золотым орлом. В клюве у него лавровый венок. Небесные силы заключили в этом венке энергию победы Добра над Злом и оставили людям. Как люди распорядятся этой энергией, так и должен решиться исход битвы Добра и Зла. Но люди не сумели использовать энергию. Церкви – разрушили, Бога – забыли. В конце концов, род людской потерял венок.

– Насчет загадочного города догадался. Сам живу в нем, – с улыбкой ответил Дима. – А по поводу рода людского – не ясно. Народ знал про энергию?

– Зачем человечеству говорить об этом? Тогда бы жители трепетно оберегали венок, боясь потерять, а это расчет. В данном случае нужна глубокая и искренняя вера в Бога.

– Ты говоришь, люди не знали про венок, а мой прапрадед?

– Он был посвященным.

– Значит, венок никто не охранял? – изумился Томин.

– Только церкви.

– Но ведь их разрушили.

– Стало быть, венок потерял последнюю защиту.

– Тогда почему Сатана раньше не похитил венок? Ведь церкви разрушили еще в тридцатые годы.

– Сделать прямой выход в ад не просто. Даже когда этот проход существует, он открыт не постоянно, а в строго определенные дни. На двести пятьдесят лет Полтавской битвы дьявол просто не успел сделать свой лаз, а на трехсотлетний юбилей – закончил и украл венок. Ты же не случайно живешь в этом городе. И Полтава выбрана целенаправленно. Такую планировку можно было делать в любом городе, только ничего бы не получилось.

– Почему?

– Потому, что на высоких кручах над Ворсклой есть прямой выход к Богу. Поэтому на Полтавской земле родилось более восьмисот выдающихся людей. Больше не дал ни один регион мира.

У Димы снова возник вопрос:

– Почему Кобо с венком сразу не нырнул в вырытый дьяволом ход?

Наяда залилась серебряным смехом:

– Ты думаешь, дорога в ад – сияющий эскалатор, фуникулер? Для падшей души – да.

Но пронести туда венок очень не просто, поэтому Кобо идет через прошлое, для подзарядки энергией во времена правления коммунистов. Ведь венок заряжен положительно, и демон тратит много энергии, чтобы нести его.

Дима задумался.

«Целая философия получается».

Затем, словно очнувшись, спросил:

– Что такое Полтава небесная?

– Это небесная аура Полтавы земной.

– А есть еще Полтава... подземная, что ли?

– Потусторонняя, – уточнила Наяда, затем добавила: – Отпечаток всего негативного.

Он опять задумался.

– Дима Томин! – чуть ли не официально обратилась Наяда. – У тебя мало времени. Мне нужно знать твоё решение.

Дима повернулся к русалке и, стараясь твердо выговаривать слова, вымолвил:

– Я выбираю служение Добру.

– Вот и прекрасно. Честно говоря, я и не сомневалась, – с нескрываемой радостью сказала русалка.

То тут, то там не умолкая гремела канонада. Звуки стальными дробинками больно кололи ухо.

– Димка! – звонко прозвучало над озером. Собственное имя показалось Томину чужим и далеким.

– Димка!!! – уже как от удара плетки встряхнулось сознание.

Медленно переступая через торчащие коряги, то и дело оглядываясь, из рокового сиреневого тоннеля боязливо вышел Андрей.

Диму бросило в дрожь. Сильно вдохнув и до хруста сжав кулаки, он протяжно и громко закричал:

– Не-е-ет!!!

Но Дорошенко уже шел к озеру. Увидев русалку, споткнулся, но удержал равновесие, замахав руками, как крыльями. Глаза его невероятно расширились. Подойдя к Диме и не в силах сказать ни слова от удивления, Андрей только глотал воздух, как рыба, выброшенная на берег.

– Прячьтесь! – воскликнула русалка, и в следующее мгновение послышался близкий конский топот.

На пригорок выскочили пять всадников в синих мундирах. За ними еще и еще.

Друзья быстро залегли в прибрежные кусты. Благо трава была высокой и плотной, а густой дым от пальбы затруднял видимость.

Вздыхая пылью, лязгая оружием, по тропе проехало примерно сто всадников в полном вооружении. С горящими, озверевшими глазами на закопченных, усталых лицах. Их взъерошенные, мокрые усы топорщились. В помятых, запыленных мундирах, устало подпрыгивая на взмысленных лошадях, всадники никак не походили на театрализованное представление. И было еще что-то неуловимое и необъяснимое, тяжелым молотом стучащее в мозг, – это настоящие шведские воины.

Пока ехали кавалеристы, ребята вдавились в землю и боялись даже дышать. К счастью, клубы темно-серого дыма, перемешанного с пылью, неплохо маскировали, а шведам не пришла в голову мысль остановиться у воды и утолить жажду. Ошарашенный Андрей, прижавшись правой щекой к земле, с недоумением смотрел на Диму. Пушечная пальба не прекращалась. Мутное утреннее солнце с грустью глядело сквозь дым, словно через разорванную, грязную тряпку.

Когда последний всадник скрылся в облаке пыли и стих стук копыт, Андрей вскочил и бросился к лагерю, откашливая и сплевывая пыль с песком. Дима кинулся за ним.

– Стой! – закричал он вдогонку, но Дорошенко был уже далеко.

Проскочив, на удивление быстро, сиреневую рощу, Дима выскочил на поляну и остановился как вкопанный. Поляна оказалась не та, где вчера разбили лагерь. Стоптанную траву окаймляли более массивные деревья, словно обнявшие друг друга разросшимися, длинными ветками. Но самое главное – отсутствовали следы ночного табора. Ни палаток, ни остатка костра, ни нервничающих экстремалов. Кругом клубился дым, пахло гарью и без остановки, закладывая уши, грохотала канонада.

Сквозь шум орудий, совсем рядом, раздалось надрывное, конское ржание, видимо, бедное животное не выдержало царившего ужаса. Товарищи, словно сговорившись, бросились в сторону и укрылись за толстым, морщинистым стволом поваленного дерева. На поляну выехал отряд шведов. С другой стороны выскочили лихие зеленые мундиры – то были русские.

Послышались выстрелы, крики раненых, лязг сабель, русская и шведская брань. В нос ударил сладковато-приторный запах крови, смешанный с солоноватым духом пота и терпким привкусом пороха. Люди с безумным остервенением рубили друг друга. Кони отчаянно ржали, гарцевали, вставали на дыбы и падали. Мелькали окровавленные шашки и штыки.

Вскоре шведы отступили.

Дым колыхнулся и легко взлетел к потемневшим верхушкам деревьев, открыв чудовищную картину: десятка три убитых, множество раненых, истекающих кровью, несколько убитых лошадей. То тут, то там раздавались жалобные крики умирающих. Гул битвы нарастал. Казалось, гремит повсюду.

Куда бежать?

Опять послышался топот копыт. Ребята пригнулись. В полном молчании, поднимая клубы коричневой пыли, проехал большой отряд русской конницы. Примерно триста человек.

Когда скрылся последний всадник и затих мерный топот копыт, Андрей сильно дернул Диму за руку:

– Что все это значит?

Дима вкратце поведал, о чем говорила Наяда. Пару секунд Дорошенко обдумывал услышанное, затем серьезным тоном произнес:

– Нужно спешить спасти лавровый венок.

С горящими глазами и слишком уж сосредоточенным лицом Андрей напоминал потенциального клиента психиатрической клиники.

«А может, все находящиеся тут люди – потенциальные клиенты психушки? – подумал Дима. – Не зря ведь психбольницу в Полтаве называют Шведской?»

– Андрей! Русалка говорила только про меня. Ты можешь остаться, – совершенно серьезно произнес Дима.

– Где? Здесь? – Андриюшины губы скривились в надменной улыбке.

– Понимаешь, пойти со мной – все равно что щуке в пасть, – с нажимом сказал Дима.

– Ничего, и щука иногда отпускает добычу, – отшутился Андрей.

– Наяда отправит тебя обратно в наше время, – не унимался Томин.

– Она что, оператор туристической фирмы?

– Андрюха! Я серьезно.

– И я не шучу. – Голос Дорошенко зазвенел металлом. – Как могу оставить тебя одного? Я иду с тобой. Это мое решение.

Дима внимательно глянул на друга. Тот смотрел спокойно, преданно.

– Спасибо, Андрюха! – Дима протянул руку.

Плотная Андрюшина ладонь, как тисками, сжала Димину кисть.

– Тогда пойдем, – решительно сказал Дорошенко.

– Может, для начала раненым поможем? – Дима сочувственно глянул на стонущих людей.

– Чем? Тебе жить надоело? – В голосе Андрея зазвучала твердая сталь. – Как ты им поможешь? А сам можешь погибнуть очень даже легко! Так что пойдем быстрее отсюда!

Друзья осторожно спустились по сиреневому тоннелю и подошли к озеру. Вместо утреннего тумана там клубились рваные вихри пушечного дыма, и вода, потеряв прозрачность, была непроглядной, как ржавая железная дверь.

– Няяда! – негромко позвал Дима.

Подул легкий ветерок. По поверхности водоема побежали маленькие, злые волны, ошестившись пенными клыками барашков. Ребята ждали с замиранием сердца. Шум битвы снова усилился.

Рядом послышался слабый всплеск, появилась прелестная головка Няяды.

– Тебе будет вдвойне тяжело. Возможно, тебя даже не пустят в Полтаву небесную! – роковым голосом сказала девушка, внимательно глядя на Дорошенко.

– Я принял решение, – спокойно ответил Андрей.

– Что ж, твой ответ достоин восхищения.

Андрей промолчал, только пристально глянул на Няяду.

– Я знала, что вы вернетесь, только незачем было проверять лагерь, – продолжала русалка.

– Но я... я ведь ничего не знал! Мне уже на поляне Дима все рассказал, – оправдывался Дорошенко.

– Это ясно, только время потеряно. Сейчас нужно спешить. Идите к тому месту, где в вашем времени стоит памятник шведам от шведов. Только сейчас там нет никакого монумента. Это обширная поляна. Почувствуете ее по сильному энергетическому излучению. На этой поляне открыт энергетический коридор. Кобо наверняка уже там. Ты, Дима, любой ценой должен забрать венок и через этот коридор вернуться в свое время. Как это сделать? Не знаю. Но запомните: коридор открыт только до десяти утра.

– Как по нему пройти? – поинтересовался Андрей.

– Когда будете ясно видеть столб света, разбегайтесь и ныряйте в него, как в воду, руками вперед, закрыв глаза и задержав дыхание. Не бойтесь, не разобьетесь. Конечно, без специальной тренировки будет очень трудно, но ничего, справитесь. Вижу, со спортом дружите.

– Если не увидим этот столб энергии, что делать? – забеспокоился Дима.

– Увидите, – успокоила Няяда. – Кроме вашего примитивного трехмерного измерения существует еще множество миров, причем как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения показателей. Вы хоть и перенеслись на триста лет назад, но попали практически в свое пространство. А могли ведь попасть и в другое, так что вам еще крупно повезло. Говорю «практически», потому что небольшие перекрытия из соседних измерений при переносе в прошлое неизменно присутствуют. И возле тоннеля они наиболее проявляются. Так что ничему не удивляйтесь. Если вдруг не будете успевать, возвращайтесь ко мне. Буду ждать вас до полудня, но ни секундой больше! Дольше – не могу. Это озеро только с виду простое. Естественно, оно тщательно заилено, но через него проходит большой энергетический разлом. Это, конечно, не просторный тоннель. Двигаться по кривому, изломанному разлому стократ сложнее. К тому же нужно пройти заградительные барьеры, которые без меня не преодолеете. Но если выберетесь, попадете примерно в свое время. Существует небольшая погрешность, примерно до ста лет,

но все же лучше, чем навсегда остаться в 1709 году. А теперь спешите, пора. Да, кстати, чуть не забыла, у вас есть время?

Дима не носил часы, а Андрей достал старенький мобильник. Серый экран уверенно показывал 8:26. Русалка улыбнулась. Мобильная связь сейчас к месту.

– Какой оператор? – иронично спросила девушка.

– МТС, – серьезно ответил Дорошенко.

Наяда ничего не ответила. Молча достала золотые карманные часы с изящной цепочкой и протянула Диме:

– Возьми, чтобы знали точное время. А теперь действительно пора. Удачи, ребята!

Дима с Андреем двинулись к поляне. Дорога свернула влево. Тут плотной стеной разросся высокий кустарник. Решили пробираться через него. Хоть и медленнее, зато надежнее, можно остаться незамеченными. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, словно острые крючки, и, хитро переплетаясь, заграждали путь. Ветки упорно не хотели, чтобы друзья уходили. Не пускали в неизвестность, к опасности, возможно, к самой гибели. Но оставаться тоже означало – погибнуть.

Вскоре цепкий кустарник немного поредел. Стали появляться одинокие опаленные деревья. Наконец, лес разорвал плотные сплетения кустов, и друзья вышли на утоптанную лесную тропинку. Стрельба не прекращалась и гремела повсюду. Звонкий баритон картечи сопровождал глухой бас пушек под многострунный аккомпанемент копыт. По лесу летал, извиваясь, разорванный в клочья серый дым, затрудняя дыхание и пощипывая глаза.

Осторожно пробираясь среди морщинистых дубов, стройных кленов, кудрявых ясеней и трепещущих осин, друзья почувствовали близость тоннеля. Эта близость проявлялась в сильном тепловом излучении, как возле огромного костра, только возникла подсознательная уверенность, что это не огонь, а какая-то неведомая, высшая форма тепла.

Ребята пробирались дальше. Тепло усиливалось, но вместе с тем усиливалась и стрельба. Наконец за нервно подергивающимся древесным занавесом, в грязных лучах солнца, показалось огромное поле. Когда открылся последний ряд листьев, друзья увидели грандиозное сражение.

И грянул бой, Полтавский бой!
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.

Пушкинские строки навязчиво закрутились в Диминой голове.

В ту же секунду между ребятами и полем Полтавской битвы, неизвестно откуда, появилось огромное невесомое увеличительное стекло, словно гигантский плазменный телевизор, так что стали отчетливо видны даже самые дальние уголки этого огромного участка земли.

Сколько хватало глаз, до самого горизонта простиралась плоская равнина, плотно усеянная людьми. Слева – синие мундиры, справа – зеленые и серые. Конные и пешие, с ружьями и саблями, старались убить противника с животной остервенелостью. Стоял невероятный гул от криков тысяч голосов, топота множества копыт, лязга бесчисленных сабель и непрерывной пальбы.

Дым запыленным покрывалом заволакивал поле боя, периодически скрывая мертвых и еще живых. В грязно-серых клубах зловеще поблескивали стальные клинки, часто окровавленные. До тошноты пахло кровью. Дым медленно поднимался в небо – там, в рваных обрывках едких облаков, плясало пьяное от крови солнце.

«Побоище! Жуткое, кровавое, нечеловеческое побоище! – с ужасом думал Дима. – Какой дьявол придумал эти войны, чтобы люди с такой жестокостью убивали друг друга?»

И сообразил, что в вопросе уже есть ответ.

Ребята, прижавшись к земле, напряженно следили за сражением. Хоть это и кощунственно звучит, но лучшего места для наблюдения не найти. Поле Полтавской битвы виднелось как сцена из театральной ложи, только вместо бархатных, мягких кресел – твердая обветренная земля. Бутафорские декорации заменяли настоящие пушки и ружья. А пространство пронизывали свинцовые пули и чугунные ядра, и люди умирали реальной смертью.

Тоннель, как и утверждала Наяда, оказался виден даже невооруженным глазом и представлял исполинский смерч, пригвожденный к месту. Его хвост быстро извивался в воздухе, подобно гигантской змее. У земли – светлый, почти белый, а кончик – практически черный. Этот хвост находился в самой гуще сражения, но на расстоянии примерно метра от него людей не было. Воины, конечно же, не видели этого торнадо, но интуитивно избегали его.

А битва, словно бушующий океан, неистово громыхла и надрывно орала криками умирающих. Битва давила той жаркой, жуткой, высасывающей все соки энергией, какая бывает в присутствии смерти.

И смерть, почти зримо, присутствовала, ощущалась физически, до боли в голове, до темноты в глазах. Сегодня наступил ее праздник. Диме показалось – над грудой убитых колыхнулась белая воздушная мантия, накинутая на огромный скелет, а на лица еще живых легла тень от гигантской косы.

В самой гуще сражения Томин увидел рослого воина в зеленом мундире на могучем белом коне. Гигант повел в атаку пехотинцев в серых мундирах. Лицо воина было сосредоточенно. Черные как смоль волосы развевались. Темные усищи были взъерошены. Глаза метали молнии. В руке блестела шпага. Невероятная решимость чувствовалась в каждом его движении. Что-то сжалось внутри Димы. «Да это же царь Петр!»

Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь как божия гроза.

Продолжали навязчиво крутиться в Диминой голове строчки из пушкинской «Полтавы». Ряды шведов начали испуганно пятиться назад.

Сильная ладонь Андрея до боли сжала Димино плечо. Томин оглянулся. Дорошенко указал направо. Неподалеку преспокойно сидел Кобо. Колючие глаза внимательно всматривались в тоннель. Заветная сумка неподвижно висела на левом боку.

Дима задумался: «Что же делать? Как отобрать сумку?»

Дорошенко снова хлопнул Томина по плечу.

– Пошли, – прошептал он, поднялся и решительно направился к демону.

Но неожиданно тоннель начал деформироваться. От него отделились темные, неясные силуэты и прыгнули на землю. Силуэты эти быстро превратились в черные мускулистые существа с размытыми лицами и стали неистово плясать, широко размахивая длинными, как у обезьян, руками. Все закружилось в одном безумном, кровавом вихре: кони, люди, пушки, знамена.

«Может, это у меня голова кружится? Может, это сильный гипноз или крепкий сон?» – уныло подумал Дима.

Резкий, свистящий звук чего-то большого, материального, пролетающего слишком близко, оглушил и отрезвил Томина. Это большое попало в молодую сосну, с ходу сломало ее и, отскочив в сторону, покатило с шипением. Перерубленное дерево с глухим стоном рухнуло наземь, сломав половину веток.

– Пушечное ядро! Пригнись! – услышал Дима запоздалый голос Андрея, уже прикинувшись к земле.

«Как хорошо, что я не эта сосна!» – с радостью подумал Дима.

А мускулистые черные силуэты продолжали бесноваться, кого касались рукой или ногой, тот падал замертво. Было видно, что специально черные никого не задевают, но горы убитых и раненых их явно веселят.

Силуэты начали хватать раненых и прижимать к себе могучими ручищами, те мгновенно умирали и сразу сморщивались, как гармошка. Вскоре вокруг очертаний уже не осталось живых, и те, истерически гогоча и безумно пританцовывая, двинулись в самую гущу сражения, где шла жаркая рукопашная схватка.

Но в это время затуманенные разноцветным дымом небеса резко разверзлись, явив кристальную синеву, и на черных пролился ослепительно-яркий, белый свет. Пружинящая, непобедимая сила чувствовалась в нем. Существа завизжали, как резанные свиньи, забегали по поляне с дикой скоростью и стали усыхать прямо на глазах, превращаясь в скелетообразных, безобразных монстров, со сплюснутыми козьими мордами, кривыми клыками и слезящимися черными глазами. Толкая и отпихивая друг друга, монстры запрыгивали обратно в тоннель. Больше половины этих существ осталось лежать на поляне, быстро превращаясь в груды черного пепла, сдуваемого легким ветром.

Когда последний козьепоподобный скрылся в тоннеле, из него вырвался ослепительный сноп пламени с черным, едким дымом, но небесный свет, попав на этот сноп, начал его тушить. Вскоре пламя с резким потрескиванием, шипением и каким-то животным визгом потухло. На том месте тут же образовалась твердь. Никаких признаков тоннеля или какого-либо пространства, куда можно нырнуть. Последний луч, ударившись о землю, отразился широкой световой волной, разлившись в разные стороны. Раненые оживали, живые ободрялись. Ребята почувствовали необыкновенную бодрость, словно после хорошего отдыха.

Сражение переместилось в левую сторону. Шведы начали отступать.

Дима достал золотые часы. Циферблат показывал 10:25.

– Похоже, мы пролетаем, как стая напильников, – срывающимся голосом шепнул Андрей.

Томин выразительно посмотрел на друга. Оставалась надежда только на Наяду. Дорошенко легонько тронул Диму за руку и указал в сторону, где сидел Кобо. Среди смятых трав виднелось распластанное тело. Присмотревшись, Дима заметил – вместо Кобо, раскинув длинные лапы, лежал огромный человекоподобный ящер. Приплюснутая морда с огромными клыками и широкими коричневыми полукруглыми рогами была повернута направо. Черные глаза остекленели, синий язык вывалился на землю и облепился пылью, перемешанной с сосновыми колючками. Кожа была покрыта серо-зелеными чешуйками с черным отливом. Руки и ноги заканчивались крупными желтыми когтями. Только потертая зеленая сумка да разорванная по швам одежда напоминали, что когда-то это был худой человек с колючим взглядом.

Дима похолодел от ужаса, что-то передернулось внутри. В два прыжка он очутился подле монстра, сам не понимая, как это произошло. Благо Кобо накинул сумку на плечо, а не через голову, иначе снять ее было бы очень трудно.

Преодолевая отвращение, Дима наклонился к скользкому, пупыристому телу и энергично потянул сумку. Ремень зацепился за крупную чешуйку и никак не хотел сползать. Тогда он с силой рванул – чешуйка обломилась, запахло зловонием, но ремень соскользнул. Томин поднял сумку перед собой, ощутив приятную тяжесть в руках, быстро надел через голову. Возле правого бедра почувствовал тепло. Сумка словно приклеилась к телу. Маленькие застежки по бокам сумки сами прикрепились к его поясу. Поискал глазами Андрея, тот был уже рядом.

– Пора, – прошептал Дима, и друзья побежали назад, к воде.

Глава 4

В будущее через прошлое

Друзья припустили рысцой прямо по тропе, сокращая путь. Битва гремела где-то справа, дорога опустела. словно в игровом автомате, набегают на тебя лента утоптанной, петляющей, извивающейся змеей лесной тропинки. Вверх-вниз – проскочили ложбинку, вправо-влево – обогнули огромный дуб.

За поворотом тропы ребята остановились как вкопанные. На небольшой поляне, нервно подергивая боками, топталось десятка два лошадей под седлами, склонив к земле грустные морды. обнажая передние зубы, животные срывали редкие пучки уцелевшего клевера и с монотонным хрустом его пережевывали.

В истоптанной, грязной траве в безобразных позах лежали изуродованные трупы в голубых и зеленых мундирах. От земли исходил приторный запах крови. Смерть кругами расползалась в стороны, но печалиться не было времени. Вот где пригодились навыки верховой езды. Несколько секунд на знакомство с животными – и друзья в седле. Почувствовав опытных седоков, кони прыгнули по тропе. Лента дороги стала набегать с огромной скоростью. Древнее седло оказалось куда удобнее современных китайских седел.

Выскочив из рощи, друзья заметили справа отряд шведских всадников. Те, завидев чужих, принялись отчаянно стрелять. Пули засвистели справа и слева, сверху и где-то рядом.

Пригнувшись вплотную к потным спинам лошадей, друзья прибавили ходу. Выстрелы сделались реже, но за спиной послышался плотный топот погони.

Вскоре, словно спасительный остров, вдаль показался лесок с заветным озером. Деревья все ближе и ближе кивали верхушками. Вот уже лесок набежал и участливо развернул ветвистые объятия. Первые пушистые елочки весело проскочили навстречу, и тут Дима почувствовал, что летит, словно птица, а лошадь осталась внизу.

Хряснувшись со всего маху о землю, поросшую чахлой травой, перемешанной с еловыми иголками, перекувыркнувшись несколько раз и остановившись в полуметре от массивного ствола сосны, Дима, весь в иголках, мгновенно вскочил на ноги, не чувствуя боли. Как ни странно, сумка не травмировала при падении.

Андрей, увидев случившееся, осадил лошадь. Та круто встала на дыбы и дико заплясала на месте. Дима подбежал к Андрюшиной лошади, молниеносно запрыгнул, сел за другом. Еще мгновение – и ребята рванули к спасительной цели. Дима успел бросить прощальный взгляд назад.

Вдалеке между деревьями мчались всадники, а его лошадь осталась лежать на правом боку, мордой к беглецам. Правый бок высоко выпирал, тяжело сокращаясь при дыхании. Из мускулистой изогнутой шеи, поблескивая на изгибах, бодро струилась алая кровь, щедро орошая землю. Широко раскрытые, стекленеющие глаза животного выражали отчаяние...

Вездесущие тонкие ветки больно стегали по лицу и железными крючками цеплялись за одежду. Деревья сказочными великанами вырастали на пути, преграждая дорогу. Сморщенные корни, словно щупальца подземного осьминога, то тут, то там выныривали из-под земли. Тропинка трепыхалась невообразимыми зигзагами, как узкая лента на ветру, пыталась запутать следы и шаркалась из стороны в сторону. А по лесу всюду гуляли пули и жужжали, как откормленные шмели, но попасть в быстро мелькающих между стволами всадников, когда сам скачешь во весь опор, было практически невозможно. Подсознательно понимая это, ребята меньше опасались шальных пуль, чем настигавшей их погони. Вдвоем на одной лошади скакать отчаянным галопом гораздо труднее, к тому же и лошади тяжело.

Дима крепко обхватил Андрея, головой прижался к спине и затаил дыхание, рискуя вылететь при очередном прыжке. Но скоро появился заветный пригорок, за ним такое желанное

озеро. С разбегу они кинулись в воду. Лошадь, почуяв чужую среду, рванулась в сторону, сбросила обоих всадников и, дико заржав, шумно поспешила на берег, поднимая волны. Вода накрыла беглецов с головой, обожгла прохладой.

Сумка приятно согревала правый бок. Дима, погрузившись в воду, почувствовал боль во всем теле, дало знать падение с лошади, а Андрей, как пробка, закачался на волнах.

– Я вас ждала. – Рядом вынырнула златовласая головка Наяды. – Вы молодцы, что забрали венки! Время еще есть! Успеем!

В следующую минуту на пригорок выскочили всадники и разом вскинули ружья. Дима зажмурился и нырнул глубоко под воду. В тихой прохладе глубоководья раскрыл глаза и поразился – вместо взбаламученной илистой непроглядности была абсолютно прозрачная вода. Словно на море, в мельчайших подробностях просматривался подводный мир. Дно водоема правильной воронкой уходило вглубь земли. Многочисленные водоросли, грациозно покачиваясь, густой бахромой спускались в глубину. Далекая вершина этого удивительного, перевернутого конуса светилась слабым космическим светом, но метрах в десяти Томин заметил каких-то зловещих русалкоподобных существ с темными волосами и черной чешуей, быстро плывущих к нему. От подводных жителей исходила колоссальная негативная энергия. Томин глянул в черные глаза ближнему существу, и душу сковал ледяной ужас.

«Ай да озеро!» – мелькнуло в голове.

Насилу отведя взгляд, Томин посмотрел вверх. Там, в светлом овале из прорвавших воду лучей, грациозно вибрировал Наядин хвост и плавно танцевали Андрюшины ноги.

Вынырнув, Дима увидел, что Наяда плавно водила руками, и упругие воздушные волны мерно колыхали воздух. Солдаты смешно качались, как водоросли при сильном течении, тщетно пытаясь выстрелить, а лошади неуклюже пятились назад.

Рядом выскочило из воды около десятка женских голов. Длинные слипшиеся волосы были покрыты истлевшей тиной. Бледные, худые лица перекошены злобой. В черных глазах сверкал зловещий огонь.

До тошноты запахло гнилью. Странные женщины быстро подплыли, взяв путников в кольцо. Вот уже вытянулись вперед их мертвенно-белые руки с крючковатыми синими пальцами в попытке схватить ребят. Но Наяда неожиданно вытянула руку, чуть ли не касаясь озлобленных существ, и быстро развернулась на сто восемьдесят градусов, поднимая мелкие волны, а из руки брызнул снап белого света, который ослепил и отбросил нападавших на несколько метров. Те взвыли от боли, закрыли глаза высушенными ладонями, оскалили зубы, но снова бросились в атаку.

– Не смотрите им в глаза! Не поворачивайтесь к ним спиной! Это пресноводные русалки! – надрывно закричала Наяда.

Водяницы снова приблизились. Стали хорошо видны их мелкие темные зубы. Наяда опять отбросила незваных гостей. Шипя от злости, вспенивая воду, рыбоподобные женщины атаковали в третий раз. Но небо разверзлось, и на озеро пролился ослепительно-белый свет, накрывая черных русалок. Те истерически завизжали и разом скрылись под водой.

Дима услышал голос Наяды, звучащий прямо в голове:

– Пора! Глубоко вдыхайте и ныряйте!

Последний глубокий вдох – и ребята нырнули. Андрей поплыл первым за Наядиным хвостом, пускавшим мелкие турбулентные потоки. Вначале шло обычное погружение, как ныряние в речке, затем стало сильно давить на уши, значит, глубина четыре-пять метров. Вскоре боль стала нестерпимой – голову разносило, в глазах темнело. Дима захотел вернуться, но упорное, маниакальное желание жить заставляло, преодолевая боль, погружаться дальше. Ребята верили Наяде, и вера придавала им силы.

Вскоре боль утихла, появилось ощущение полета. Дима разомкнул веки. Мысль о речных русалках со звериными глазами и крючковатыми пальцами не покидала его. Но кругом

сияла абсолютно прозрачная вода и никаких русалок. Солнечные лучи тончайшими нитями прорывали воду, освещая ярко и выпукло удивительное подводное царство. Густые заросли водорослей, как полипы, медленно покачивали тугими кудрявыми головками. Водоем гигантской воронкой неизменно уходил вглубь.

И конца этой бездне не было видно. Далеко впереди все так же маячил слабый космический свет. Водоросли колыхались, как живые. Одна кулачкообразная головка грациозно развернулась, раскрыв черную бесформенную пасть и попыталась по-собачьи схватить Диму за ногу, но не сумела дотянуться. Дима в испуге дернулся в сторону, но чуть не попал в другую пасть. Лихорадочно махая руками и ногами, выплыл на середину.

– Дима! Старайся не смотреть по сторонам! – послышался в голове спокойный голос Наяды. – Смотри лучше на меня!

Дима взглянул вперед сквозь толщу воды. Вдали, как огромное опахало, маячил гомоцеркальный русалочий хвост, а перед носом задорно болтались Андрюшины ноги. Дима стал смотреть только на хвост и старался плыть на расстоянии видимости от него.

По мере погружения становилось темнее. Кислородное голодание начало сказываться. Движения замедлились. Руки и ноги сделались ватными. Хвост начал быстро удаляться. Темный подводный мир потускнел. Томин стал терять сознание.

Чья-то маленькая, но сильная рука схватила его ладонь и уверенно потащила за собой. Кисть оказалась на редкость нежной, мягкой и удивительно теплой, несмотря на прохладу глубоководья. В неясном сознании Димы появилось улыбающееся лицо Наяды. Подводный путешественник почувствовал приятное тепло в своей руке. Затем согрелось все тело. Сознание вернулось. Мир стал принимать реальные очертания. Легкие хоть и не работали, но он ощутил прилив сил и смог сознательно помогать Наяде увлекать себя в нескончаемую глубину этого удивительного подводного мира.

Диме не хотелось открывать глаза, с закрытыми было легче плыть. Сквозь смеженные веки еле заметно проникал тусклый свет, неизменно льющийся впереди, оповещая, что погружаться еще долго. Маленькая рука упорно вела по подводному тоннелю.

«Интересно, что с Андрюшей? – беспокоился Дима и предположил: – Скорее всего, Наяда держит его второй рукой».

Погружение продолжалось и казалось бесконечным. Сколько уже проплыли и на какую глубину нырнули – трудно сказать. Томин находился в полуобморочном состоянии, плохо осознавая, что происходит, и чувствовал только верную руку русалки, уверенно тянущую вниз.

– Теперь зажмурьтесь! – услышал Дима.

Яркий свет слегка ослепил даже сквозь сомкнутые веки. Томин понял – прошли окончательность конуса, но дальше оказалось обычное погружение. Так же, до озноба, омывала самая обыкновенная вода. Голову стало разламывать уже привычной болью. Ладонь Димы снова ослабела, и хоть Наяда сильно сжимала его руку, слабеющие пальцы начали выскользывать из ладони девушки. И тут Томин снова услышал спокойный голос русалки:

– Дима! Соберись с силами! Уже осталось чуть-чуть, и глотнешь немного воздуха.

Это прозвучало так убедительно, что он, нечеловеческим усилием воли, собрал остаток сил и скорее бессознательно, чем осознанно, потянулся вслед за спасительницей.

Вдруг Дима почувствовал, что выскочил из воды по шею. Легкие, учуяв кислород, лихорадочно заработали. Он дышал и не мог насытиться, буквально выпивая воздух, не чувствуя вкуса, как умирающий от жажды, захлебываясь, лакает воду. Обоняние не улавливало затхло-сти воздуха, но интуиция подсказывала – пространство ограничено.

Вскоре Томин немного успокоился, слух и зрение стали восстанавливаться, и он осознал, что находится в абсолютной темноте. Рядом слышалось шумное человеческое дыхание.

«Конечно же, это Андрюха!» – радостно подумал Дима.

Неожиданно лицо Наяды засветилось изнутри каким-то неземным, бело-золотым светом. Андрюшина физиономия оказалась рядом. В глазах, казавшихся невероятно большими на резко похудевшем лице, светился безумный блеск, присущий человеку, миновавшему смертельную опасность. Ребята огляделись. Их окружал липкий подземный свод, представлявший обычный утрамбованный чернозем. Пространство было так мало, что едва можно высунуть голову. Разговаривать не хотелось.

Наяда напоминала фарфорового ангела с фонариком внутри – прекрасное лицо излучало не только свет, но и тепло. Тесный липкий свод стал походить на уютную комнатку с ночником. «Интересно, на кого похож я?» – мысленно спросил себя Дима.

Несмотря на чудовищность положения, не хотелось покидать этот тесный свод и уходить в чернильную воду.

Прошло несколько минут, когда раздался успокаивающий голос русалки:

– Пора! Ныряем!

С этими словами свет от Наяды потух. Глотнув напоследок воздух, друзья погрузились в непроглядную жидкость. Плыть пришлось на ощупь. Создалось ощущение, что плывешь в чернилах.

Спустя несколько минут русалка снова засветилась, и на расстоянии метра от нее пространство озарилось, но дальше не было видно ни зги. Так и продолжали опускаться. Дима хорошо видел Наяду, ставшую еще прекраснее в окружении бело-золотого ореола лучей. Волосы колыхались плавными золотыми волнами, хвостовой плавник грациозно помахивал. Одной рукой девушка держала Диму, другой – Андрея. Тот сощурил глаза и надул щеки.

Через некоторое время давление снова железными тисками сдавило череп. Диме показалось, что кто-то поместил его голову в стальные тиски и начал вращать ручку. Голова вот-вот лопнет. Он стал замечать изломанные тени каких-то существ: то ли рукастых рыб с огромными головами, то ли рыбоподобных животных, но вскоре уже ни на что не мог реагировать. Боль затуманила мозг – сознание померкло.

Очнувшись, Томин почувствовал, что лежит на чем-то рыхлом, напоминающем поролон. Тело не болит, но голова странно гудит. Ощутил, что дышит, но как-то чудно, скорее жует и глотает неестественно плотный воздух. Если обычную атмосферу сравнить с родниковой водой, то эта была густая, как кисель. Вязкий кислород очень медленно проник в легкие, буквально расползаясь по организму. Приходилось делать глубокие вдохи и выдохи, насильно втягивая воздух и выталкивая углекислый газ. На это уходило много усилий и времени.

Задышавшись, Дима широко открыл глаза, захотел осмотреться, но непроглядная тьма застлала все вокруг. Казалось, на глаза надели темную повязку из прочной ткани. Повернуть голову тоже было непросто. Она наткалась на плотный слой воздуха. Желейная плотность пространства грозила задушить. Диме стало не по себе от собственной беспомощности. Горячий ток отчаяния пробежал по телу. Спина покрылась холодным потом. Он попытался позвать Наяду, но с уст не слетело ни звука. И тут русалка заговорила сама:

– Дима! Все хорошо! Не пытайся задавать вопросы. Ничему не удивляйся. Вставай и иди за мной.

«Легко сказать: вставай и иди за мной!»

В следующее мгновение в изможденной Диминой руке оказалась маленькая теплая ручка. Миниатюрные пальчики плотно обхватили ладонь. Горячая волна тепла и бодрости прошла по всему телу. В следующую секунду ручка сильно дернула, и он встал на ноги, с трудом протискиваясь в плотных слоях воздуха. Почва зашаталась под ступнями, как студень, и Дима потерял равновесие, но плотный воздух стеной держал со всех сторон, не давая упасть.

Ручка потянула вперед. Протискиваясь сквозь плотный воздух, делая огромные усилия, чтобы дышать, пошатываясь на желеино дрожащей земле, он пошел медленно, словно ребенок, делающий первые шаги.

Звуков шагов Дима не слышал и не знал, где сейчас Андрей, но почему-то был уверен, что Дорошенко идет рядом. Вязкий воздух наваливался, как кисель. Земля уходила из-под ног и дрожала, как выстоянный холодец. Только спасительная ручка Наяды без усталости тянула вперед.

«Сколько времени прошло? Полчаса, час или день?»

Чувство голода и жажды Томин не испытывал и находился в состоянии такого нервного возбуждения, что даже мысли о еде не возникало.

«Интересно, как русалка идет, ведь у нее нет ног? Мы же на суше!» – размышлял Томин.

Он автоматически повернул голову направо, но перед глазами была все та же непроглядная темнота. Прислушался. Ни звука, только зловещая тишина. Как бы в ответ раздался задорный голос Наяды:

– Дима! Потерпи, скоро придем к морю!

«К морю? Вот это поворот! Ради этого придется потерпеть!»

До сих пор Дима думал, что находится под землей.

«Может, это подземное море? Впрочем, Наяда говорила – ничему не удивляться», – продолжал размышлять Томин.

Он стал считать шаги. После пятого десятка сбился, стал считать снова. Опять сбился и бросил это нудное занятие.

«Если предположить, что, идя по болоту или илистому берегу, сделаешь пятьдесят – семьдесят шагов, то, конечно, выбьешься из сил. А тут прошагал уже не одну сотню, а не чувствую усталости».

Странное ощущение, что он не на земле, не покидало Диму.

«Тут другое измерение, иной мир, если это не сон, конечно».

Сумка с венком не отягощала, а приятным теплом чувствовалась на правом боку.

Мало-помалу тьма начала сереть. Послышались отдаленные звуки, но звучали они прямо в голове. Слух стал внутренним. Идти стало легче, но появилась усталость, подкралась незаметно и навесила тяжелые гири на ноги и руки. Димины руки влажнели, пальцы немели, но маленькая ручка Наяды наполняла теплом все тело. Преодолевая усталость, он уверенно шел дальше.

Вскоре тьма посерела еще больше, воздух стал более разреженным. Томин начал различать смутные силуэты, напоминающие горы, и слышать собственное дыхание. Справа, пошатываясь, двигался размытый силуэт Андрея. Как жаль, что друзья не могут общаться телепатически. Между Томиным и Дорошенко плыла Наяда. Именно плыла в вязком воздухе. Точная фигура русалки грациозно двигалась в горизонтальном положении, работая блестящим хвостом, и за руки тянула обоих ребят.

«Как она прекрасна! – восхищался Дима. – И все-таки кто она на самом деле?»

Во мгле начали проявляться размытые, изломанные тени. От них исходила нескрываемая враждебность и чувствовалась затаенная сила. Дима внимательно всматривался в пространство, – не покидало ощущение, что он находится внутри огромной призмы. Возник вопрос: откуда поступает свет, если сереющую мглу называть светом? Но ответа не последовало.

По мере продвижения делалось все светлее, дышать становилось легче, но оставалось непонятным: двигаются они в более светлую сторону или с течением времени все просветляется? И существует ли вообще в этом пространстве время? Томин ощущал себя совершенно по-иному, чем в обычном мире, но четко сформулировать, как именно, не мог. По-другому работал мозг, воспринимая все более образно. Для выражения мыслей требовалось меньше слов. Дима не мог понять, идут они по ровной дороге, поднимаются в гору или спускаются

вниз. И есть ли вообще дорога? Может, пространство само набегало, а они просто топтались на месте.

Двигаясь дальше, ребята заметили, что плотный воздух трепетал, как туман на ветру. В охваченном мелкой дрожью пространстве стали вырисовываться искаженные тени страшных и неведомых существ. Огромные зубастые клювы, наподобие птеродактилей, изогнутые змеевидные шеи и клыкастые пасти, как у ихтиозавров. Сразу по три, по пять оскаленных челюстей.

Чудовища мелькали повсюду, справа, слева, сверху и даже снизу. Появлялись, исчезали, затем возникали в ином месте и в другом положении. Звуки сделались четче и стали напоминать отдаленный рев диких животных. Ребята шли, стараясь не думать ни о чем. Раз их до сих пор никто не тронул и Наяда хладнокровно вела вперед, значит, бояться нечего.

Пространство еще просветлело и оказалось огромным цилиндром. Под ногами возникло подобие дороги, а по бокам, как из жидкой грязи, постоянно высывались крупные, величиной с дыню, змеевидные головы с широко разинутыми иглозубыми челюстями и длинными раздвоенными языками. Копьевидные языки вытягивались вперед и, казалось, вот-вот коснутся дерзких гостей, посмевающих сунуться сюда.

Диме стало не по себе. Ледяной ужас сковал грудь. Дыхание затруднилось.

– Идите строго по центру, иначе змеи искусают вас! – услышал он предостерегающий голос Наяды.

Преодолевая страх, друзья поспешили встать на середину дорожки. Впереди – Наяда, за ней – Дима с сумкой, за ними – Андрей. Путники дружно подняли руки вверх, чтобы рептилии не дотянулись, и боком, маленькими шажками, пошли гуськом.

Иногда из одной головы торчали три и больше шипящих пастей. А из некоторых пастей высывался зев поменьше и норовил укусить. Диму охватил первобытный ужас – сердце забило так сильно, что вот-вот выпрыгнет из груди. И Наяда почему-то молчит, только медленно помахивает хвостом перед самым Диминым лицом.

Вдруг одна змея молниеносно выскочила и неминуемо должна укусить. Стали хорошо видны спицевидные смертоносные зубы на фоне белой ватной пасти. Дима мгновенно отскочил, и овальная голова вернулась ни с чем.

«Откуда у меня такая быстрая реакция?» – удивился Томин.

Слева опять выскочила длинная змея, но он сделал полшага назад, и змеиная голова, впуская лацнув зубами, плюхнулась обратно в грязь. Лавируя таким образом, Дима стал удивляться появившейся быстроте и продвигался вперед по узкой дорожке, где один неверный шаг мог стоить жизни. Несмотря на страх, он поймал себя на мысли, что эти чешуйчатые чудовища не живые существа, а какая-то неведомая организация материи.

Перед самым выходом из цилиндра одна змея все же дотянулась до Диминого бедра, но сумка, словно живая, сместилась и прикрыла его. Ядовитые зубы вонзились в твердый холст. Рептилия мгновенно обуглилась и просыпалась на дорогу, как сторевший лист бумаги.

Наконец прошли липкогрязных змей. Пот лил в два ручья. Томин смахнул крупные капли со лба, повернулся к Андрею. На уставшем лице друга тоже поблескивали крупные капельки пота. Но глаза Дорошенко светились решимостью. Дима захотел поприветствовать друга, но с уст его не слетело ни слова.

– Дима! Не надо говорить! – послышался твердый Наядин голос. – С Андрюшей все в порядке. Он прирожденный путешественник по времени.

Они двинулись дальше. Тоннель преобразился. Под ногами расстилалась прямая, как стрела, дорога, вымощенная темным крупным булыжником. По бокам были черные безлистные деревья с постоянно качающимися, искореженными ветвями, хотя ветер отсутствовал. Вверху черно-синей эмалью обозначилось подобие неба. Друзья облегченно вздохнули и двинулись по дороге.

Камни были с острыми зазубринами, плохо отшлифованные и скользкие на вид. Дима смело ступил на булыжник, но тот начал медленно подниматься под ногой. Верхняя часть камня откинулась, раскрывая широкую пасть с раздвоенным узким языком. По бокам валуна сверкнули маленькие красные глазки, а из пасти раздалось злобное шипение.

Диму охватил панический ужас. Он прыгнул подальше, на другой камень, но тот в свою очередь стал подниматься на метровую высоту, расправляя изогнутую шею и раскрывая тонкозубую пасть. Дорога была вымощена змеиными головами. Справа и слева раздалось дружное шипение. Ветки деревьев оказались извивающимися тонкими змеями. Дима еле успел пригнуться, чтобы не быть искусанным шипящими ветками. Он перепрыгнул на следующий булыжник. Краем глаза глянул на Андрея. Тот, словно эквилибрист, ловко скакал по змеиным головам. В другой ситуации это напоминало бы забавные гимнастические упражнения, но в данном случае было не до смеха.

Путники продвигались, перепрыгивая с одной головы на другую и уклоняясь от змеевидных веток. Спасало только одно – змеи не поднимались до тех пор, пока не ступишь на голову, иначе пройти по этой каменке было бы невозможно. Наяда плыла впереди и постоянно оглядывалась.

Через несколько метров перед друзьями оказался булыжник, похожий на заржавевший канализационный люк. Ребята подошли вплотную – люк, не дожидаясь ступни человека, зашевелился, начал медленно подниматься и взметнулся вверх пятиметровой коброй. Змея широко раскрыла пасть, сверкнув саблевидными зубами. Глаза злобно заблестели. Из пасти вырвался раздвоенный язык внушительных размеров. Обдало зловонным дыханием. На долю секунды змея пригнулась, готовясь к смертельному броску. Русалка молниеносно метнула в чудовище сноп огня. Кобра мгновенно обуглилась и посыпалась вниз черным крошевом. От падения обугленных остатков поднялось с десятков небольших змей. Наяда и их успокоила губительным огнем. А ребятам пришлось резво прыгать в стороны. Дима высоко подпрыгивал в этом танце. Футболка прилипла к спине, по лицу ручьями лился пот.

Одна змея все-таки впилась в Димину ногу. Острая боль пронзила тело, в глазах потемнело, мышцы стали коченеть. Томин медленно терял над собой контроль.

– Держись! – зазвучал уверенный голос Наяды.

В следующее мгновение теплая рука схватила его ладонь, а другая приложилась к ране. Дима сразу почувствовал облегчение. Боль стала утихать. Наяда помогала Томину прыгать, держа за руку. Преодолев несколько десятков метров, друзья увидели булыжник еще больших размеров.

«Вот она, Смерть!» – мелькнуло в Диминой голове.

Все тело обмякло, но в следующую секунду Наяда сильно дернула его за руку. Не дожидаясь появления чудовищной змеи, Томин прыгнул. В момент прыжка рептилия стала высываться. Гигантская голова поднималась медленно, но с ускорением. У Димы опорная нога – левая, и не успел он правой приземлиться, как по ней ударил новый поднимающийся череп. Томин полетел на землю, но за последней змеей оказался небольшой уклон.

Упав на правый бок, он кубарем покатился вниз по неестественно мягкому склону. Докатившись до самого низу, вскочил на ноги, не чувствуя боли.

«Слава богу! Булыжников больше нет», – обрадовался Дима.

Но радость Томина была преждевременной. Под ногами во всю ширину дороги валялись предметы, напоминающие макароны-гребешки. Множество этих гребешков оказалось на его одежде. Не успел Дима их рассмотреть, как предметы зашевелились, проворно заползли под одежду и больно впились в кожу. Он почувствовал острую боль во всем теле и сладковатый запах собственной крови. Горячая волна ужаса, смешанная с отвращением и тошнотой, охватила его.

Вся дорога зашевелилась белыми червями. Дима стал стряхивать паразитов, пританцовывая на месте, но живой вермишели оказалось слишком много. Черви жрали его живьем. Тело превратилось в сплошную рану – с ладоней обильно закапала кровь. Новые полчища белых вампиров ринулись на незадачливого путешественника. Томин почувствовал, что теряет сознание.

Наяда подросла как раз вовремя, за ней еле поспевал Дорошенко. Русалка быстро провела руками вдоль Диминого тела – черви осыпались, как шелуха, раны мгновенно затянулись. Дима почувствовал сильное облегчение, силы восстановились. Затем девушка выставила руки на дорогу – полился яркий свет, который, словно мощным напором воды, смыл всех червей к обочине. Взору ребят предстала серая лента дороги, прямолинейно убегающая вдаль.

Путники, почти бегом, двинулись дальше, подгоняемые страхом и ощущением постоянной опасности.

Русалка по-прежнему плыла между ними. Как ей удавалось плыть по воздуху, оставалось загадкой. А воздух сделался жиже, дышать стало легче. Очищенная от червей дорога напоминала утоптанную проселочную тропу, что позволяло двигаться быстро.

Вскоре впереди возникли готические своды. Высокие желтые балки отчетливо выделялись на фоне звездного неба.

Подшли поближе. Стены оказались огромными ромбовидными чешуйками, а балки – длинными, гибкими шеями с исполинскими мордами ископаемых ящеров, только без глаз.

Стены натягивались, как паруса на ветру, а головы росли из одного длинного туловища, словно фонари вдоль дороги, постоянно двигались, наклонялись и пытались схватить ребят, но друзья, делая невероятные прыжки и уклоны, с успехом уворачивались от слепых монстров. Иногда за одним беглецом устремлялось сразу две головы. Тогда черепа сталкивались и раздавался сильный грохот.

Дима не переставал удивляться своим невесть откуда взявшимся акробатическим способностям. Он легко совершал прыжки по три и даже по пять метров, а иногда делал сальто во время прыжка...

С невероятными усилиями удалось пройти чешуйчатые своды, и троица спустилась на широкую тропу бледно-красного цвета. Почва стала скользкой и подвижной. Ноги плохо фиксировались, пришлось идти осторожно, иногда приседая и помогая себе руками. Скорость движения снизилась. Русалка по-прежнему крепко держала ребят за руки.

Цвет неба изменился и стал багровым. Картина напоминала фантастический рассвет, только полоса белого света расположилась по всей линии горизонта, образуя замкнутое, размытое кольцо.

По бокам тропы в симметричном порядке возвышались огромные, хорошо отполированные скалы, напоминающие чудовищные клыки. Вскоре ухабистый шлях пошел немного под уклон, и внизу открылась гигантская воронка, зиявшая бездонной чернотой. Подойдя к краю пропасти, ребята принялись осторожно обходить ее по периметру.

Здесь гулял сильный ветер и шел пар. В атмосфере чувствовалось большое количество углекислого газа и ощущался запах испорченных продуктов. Воздух попеременно входил и выходил из воронки.

«Наверное, вулкан, – невзначай подумал Томин, – но какой-то странный».

За воронкой дорога сделалась ребристой и начала подниматься. Странная догадка возникла у Димы: «Тонкие заостренные скалы – клыки. Скользкий трап – язык. Ребристая дорога – небо. Гуляющий ветер – дыхание. Мы в пасти у невероятного чудовища! А Наяда молчит. Знает и молчит. Значит, не хочет нас пугать. А Андрюха, похоже, ничего не понял. Бредет, как зомби, и тупо смотрит под ноги».

И Диме стало так страшно, что захотелось выпрыгнуть из собственной кожи.

Вскоре трап круто потянулся вверх. Ребристость напоминала большие ступени, скользкие, но вполне проходимые. На вершине гордо возвышались две совершенно круглых, остроконечных, цилиндрических скалы, слегка закругленные к дороге и абсолютно симметричные. Ребята почти карабкались, ноги скользили. Русалка по-прежнему неумолимо тянула их вперед. Как ей удавалось плыть по воздуху, оставалось загадкой.

Уже приоткрылась величественная панорама, раскинувшаяся внизу, – что-то непостижимо прекрасное переливалось всеми цветами радуги.

Скалы дрогнули и стали медленно надвигаться на ребят. Они еле удержались на ногах. В спину ударила мощная струя горячего воздуха. Дима оглянулся – утесы на противоположной стороне гряды также угрожающе двигались, грозя сомкнуться над незваными гостями. Послышался жуткий рев. Заложило уши. Исполинское чудовище очнулось и решило закрыть пасть. Тогда Наяда рванулась вперед, чуть не вырвав мальчикам руки, и все вместе сорвались с отвесной скалы.

«Как волшебно красиво!» – мелькнуло в Диминой голове.

В следующую секунду рука Наяды выскользнула – волшебный мир качнулся, все замелькало, краски перемешались, и снизу стремительно стали набегать сливающиеся разноцветные пятна. Еще мгновение – все трое плюхнулись в желеобразную жидкость и ушли глубоко под воду.

Вода сдавила, словно в тисках. Равномерная темнота и большая вязкость жидкости затрудняли поиск пути на поверхность. И путь этот поистине оказался бесконечным. Томин судорожно греб руками и двигал ногами, совершенно не ориентируясь. В конце концов от нехватки кислорода он стал захлебываться и потерял сознание.

Очнувшись, Томин увидел, что лежит на земле, обняв ее, как любимую кровать. Рядом, лежа на спине, спал Дорошенко. Русалка сидела подле, склонив голову. Золотые волосы спадали с плеч и слегка поблескивали. Твердь представляла стертые в песок кристаллики чего-то прозрачного, наподобие стекла. Только уж очень красиво переливались эти песчинки даже при тусклом освещении.

Сзади что-то монотонно шумело. Воздух был насыщен влагой, солью и йодом. Приподняв голову, Дима увидел настоящее море. Пенный прибой равномерно и мощно набегал на отлогий берег, словно живой. Густая белая пена сочными клочьями летела на землю. Море переливалось разноцветными огнями и искрилось, как плазма, хотя солнца не было видно. Линия горизонта не просматривалась. Темная вода плавно переходила в вечернее небо.

Андрей открыл глаза и улыбнулся. Море успокаивало. Разговаривать не хотелось. Томин перевернулся на спину, пытливые глаза его уставились в небо. Разноцветное, переливчатое и слегка подвижное, оно завораживало неземными оттенками. Из-за царившего полумрака трудно было разглядеть детали. Улавливалось только общее цветное пятно. Все здесь было неземным. Ощущения и те космические. Ужасы перенесенного пути теперь казались страшным сном. Об этом не хотелось и вспоминать. Дима, молча, лежал под убаюкивающий шум прибоя, вдыхал полной грудью свежий воздух, всматривался в сказочное небо и улыбался.

– Ребята, как вы? – послышался звонкий голос Наяды, зазвучавший объемно и громко, словно в микрофон.

От неожиданности друзья приподнялись на локтях. Услышать мелодичный голос, волшебной музыкой разливавшийся в пространстве после всех испытаний, казалось чудом. От переполнившей радости друзья засмеялись, как дети, искренно и весело.

– Вы молодцы! – подбодрила Наяда. – Отлично справились, но путь еще не пройден. Нужно спешить, пока не закрылся тоннель.

Путники нехотя встали. Дима с ужасом обнаружил, что сумка пропала. Холодная дрожь прошла по телу. Томин поднял вопрошающий взор на Наяду.

Девушка укоризненно покачала головой, задумалась.

– До нашего полета сумка была. Я это отлично помню – значит, венки в море, – спокойно сказала русалка. – Все равно нам плыть морем. Завернем до места, где плюхнулись, и попробуем отыскать. Только если опоздаем к закрытию тоннеля – попадете не в свое время.

Они осторожно зашли в воду. Барашки прибой обдали освежающей пеной. Раньше Дима бывал только на Черном и Азовском морях. Это море показалось ему совершенно другим. Здесь – абсолютно не ощущалась разница температур. Вода более вязкая, желеобразная и неопределенного цвета, точнее, разноцветная, но откуда берется такая богатая гамма, непонятно. Глядя на воду, можно предположить, что флора и фауна тут отсутствуют.

Зайдя по грудь, медленно поплыли, стараясь не делать резких движений. Вода выталкивала на поверхность, как на Мертвом море, но запах отсутствовал, а пробовать воду на вкус не решались. Наяда плыла впереди, ребята еле поспевали за ней. Уже скрылся из вида берег, а конца заплыву не было видно. Дима постоянно всматривался в даль, надеясь увидеть четкую линию горизонта или другой берег. Впереди, насколько хватало глаз, сверкала разноцветная вода, так же плавно переходившая в небо.

Когда отплыли достаточно далеко от берега, волнение усилилось. То тут, то там стали появляться взлохмаченные барашки. Волны задорно играли с пловцами в горки. Очувтившись на гребне очередной волны, Томин совершенно отчетливо увидел пенный хохолок там, где должно быть небо.

«Не может быть! – мелькнуло в Диминой голове. – Или небо зеркально отражает море, или... море в форме спирали».

Томин поднял голову и внимательно всмотрелся в небо. По нему спокойно катились морские волны, причем в ту же сторону, в какую двигались ребята. А волны, на которых они катались, дефилировали навстречу. К тому же справа почему-то было намного больше света.

Поднявшись в очередной раз на гребень и, сощурившись, Томин глянул направо и отчетливо увидел плавно сужавшиеся гигантские кольца спирали, уходящие в бесконечность. Красные, фиолетовые, зеленые, желтые отсветы грациозно расплывались в разные стороны, образуя невероятную игру света, сверкали всем спектром цветов на миниатюрных волнах, создавая фантастические переливы, а в центре был чистейший ярко-белый свет, пружинно бьющий из бесконечности.

Зрелище завораживало и гипнотизировало. Волны то поднимали, то опускали Диму, а свет то исчезал, то появлялся, сверкая из-за водяных гор, словно пульсирующая путеводная звезда. Странная догадка появилась у Димы: «Это никак не могло быть зеркальным отражением. Значит, это... спираль. Так вот где главный тоннель!»

Наяда остановилась, развернулась к ребятам.

– Вот то место, – уверенно сказала она, хотя со всех сторон однообразно плескалась и пенилась бурливая вода, только со стороны берега проступала бледная линия горизонта.

– Вдохните и ныряйте как можно глубже, – тихонько скомандовала русалка и ушла под воду.

Друзья последовали ее примеру.

«Хорошенькое занятие! Попытаться найти сумку на дне в открытом море», – тоскливо подумал Дима.

Вода слегка обожгла прохладой. Вначале глаза ничего не различали, но вскоре внизу зарыбились размытые разноцветные краски. Грудь сдавило от нехватки кислорода, но Дима упорно плыл за приветливо махающим хвостом русалки.

Время словно остановилось. С глаз спала пелена, видимость стала безупречно четкой, как на экране плазменного телевизора. Под ныряльщиками распласталось размеренно пульсирующее море белого света. Ребята не плыли, а парили над этим подводным солнцем.

Томин не дышал, но недостатка в кислороде не чувствовал. Как функционировал его организм, он не понимал, да и не хотелось в это вникать. Он чувствовал себя так хорошо,

словно во сне, испытывая волшебное блаженство от возможности безболезненно парить над ослепительно-прекрасным бесконечным светом.

– Это Разум океана, – послышался в его голове голос Наяды. – У него и спросим про сумку, но взять ее может только смертный.

Дима посмотрел на Андрея – тот, с круглыми от восторга глазами, грациозно парил над морем света.

Русалка начала медленно спускаться к поверхности светового моря, ребята последовали за ней. Свет вовсе не ослеплял, он завораживал и приводил в восторг. Чем ближе они к нему приближались, тем лучше становилось видно, как световая поверхность переливается, медленно пульсируя. Там гуляли настоящие световые волны – грозно набегали друг на друга и рассыпались миллионами разноцветных искр. Гребень волны был ярче, впадина – темнее. Движение световых волн напоминало невиданное по масштабу пиротехническое шоу.

Вскоре Томин услышал какой-то шум, зазвучавший прямо в голове. Все сильнее и сильнее. Сложилось ощущение, что большой хор комаров назойливо буравит голову. Сквозь усиливающийся писк послышался прерывающийся голос Наяды:

– Дима! Не пугайся! Это... Разум океана. Ныряем! Ныряем в свет!!!

Море света переливалось уже совсем рядом. Отдельные бурные волны готовы вот-вот захлестнуть ныряльщиков. Дима зажмурился и... нырнул.

Открывать глаза оказалось незачем – сквозь веки сиял яркий белый свет, заполняя в каждую клеточку организма. Слева, справа, сверху, снизу. Здесь не было направлений, только величественное сияние по всему объему, и Дима медленно парил в этом сверкании, захлебываясь от восторга. Пространство потеряло трехмерную направленность, мир стал многомерным и выпуклым.

Мозг был удивительно спокоен, в голове больше не раздавался комариный писк, не слышалась человеческая речь, но существовала твердая уверенность, что направление движения выбрано правильно, словно кто-то незримый указывал дорогу.

В голове формулировались вопросы, причем Томин задавал их сам.

«Что тут делаешь?»

«Хочу вернуть сумку с венком».

«Зачем?»

«Чтобы спасти человечество».

«Уверен, что справишься?»

«Да, уверен».

Дима общался как бы сам с собой, смотрел на себя со стороны. Ему вдруг стало абсолютно понятно, что он поступает правильно, делает благое дело. Есть первоочередные ценности, и люди должны жить по законам любви и добра.

Сколько продолжалось сказочное погружение, невозможно было определить, так как время, похоже, тут не властвовало. Вскоре Дима почувствовал, что кто-то крепко взял его за руку, и свет мгновенно побежал вниз. Пальцы нащупали нежную девичью руку.

«Конечно же, это Наяда!»

Затем все его тело обдало холодком жидкости, и через пару мгновений голова Димы оказалась на поверхности спиралевидного моря. Сумка привычно висела на правом боку. Рядом, как два буйка, качались головы Наяды и Андрея. Глаза их светились от восторга, а в расширенных зрачках колыхались алмазные отблески подводного пламени.

От пережитого все трое рассмеялись звонким, веселым смехом.

– Наяда! Что такое – Разум океана? – взволнованно спросил Дима.

– Мы потеряли слишком много времени, нужно спешить. Вы и так уже не попадете в свое время. А про Разум океана расскажу после. – И девушка указала на сужавшийся конус моря.

Друзья поплыли. Удивительно было видеть, что плывешь как бы по небу и смотришь с огромной высоты туда, где недавно плыл. Вскоре их подхватило течение и понесло со скоростью автобуса, спускавшегося по каменке с горы. Дима еще раз залюбовался диковинным морем. Он предположил, что диаметр его не меньше нескольких десятков километров. Течение вынесло путешественников на противоположную часть морской трубы, где в земных условиях должна быть самая высокая точка неба. Ребята почему-то не падали. Казалось, там, где недавно плыли, был верх, а в данный момент они внизу. Сделав несколько витков, друзья уже не ориентировались, где верх, а где низ. Всюду бурлило залитое жемчугом море, а из бесконечности лил фантастический свет.

Между тем, двигаясь по суживавшейся спирали, парни заметили, что скорость течения увеличивалась. Центробежная сила вдавливала в воду, и если бы не цепкая рука Наяды, то Дима давно бы ушел глубоко под воду.

Со временем давление еще усилилось, и, несмотря на все усилия Наяды, Томин скрылся под водой. Вначале он периодически выныривал и лихорадочно хватал воздух, раскрывая рот, как новорожденный птенец, но вскоре сделать глоток стало проблематичным.

Через некоторое время ребята полетели с бешеной скоростью по бесчисленным кольцам спирали. Голова закружилась, дыхание остановилось, в глазах стало темнеть, несмотря на пружинно бьющий яркий свет. Последнее, что запомнил Дима, – это молотом стучащие в мозгу слова Наяды:

– Когда попадете в Полтаву, идите на Белую беседку. Там, на самом краю обрыва, ищите хату Микола Чударя...

Дыхание его остановилось, голова закружилась, в глазах потемнело. Томин потерял сознание.

Глава 5

Неожиданная встреча

Очнулись ребята возле того же озера. Сонно шуршали роскошные деревья на легком ветру, плавно выгибая зеленые бока. Солнце ласково пригревало. Высокое небо очаровывало голубизной и чистотой. Вода в озере была настолько прозрачной, что виднелись колеблющиеся стебли водорослей на дне. А лохматый рогоз, оккупировавший берег, был удивительно сочным и крупным. Кругом приветливо чирикали птички, усердно стрекотали кузнечики. Рядом сердито прожужжал пушистый шмель и, приземлившись на ромашку, деловито задвигал лапками. Было совершенно очевидно – друзья находятся на земле. А точнее – в Полтаве, а еще точнее – на берегу озера в Яковчанском лесу. Земля издавала медвяный запах лета, и реалистичность мира отвергала всякие сомнения о существовании чего-то потустороннего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.